

ВИКТОР КУСТОВ

ПО МЕТЕОУСЛОВИЯМ ТАЙМЫРА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виктор Кустов

По метеоусловиям Таймыра

«ВЕЧЕ»

2019

Кустов В. Н.

По метеоусловиям Таймыра / В. Н. Кустов — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8112-3

В Заполярье нелетная погода не редкость, и если проныра-вербовщик сманит изнывающих из-за вынужденного простоя рабочих, геологам придётся довольствоваться и бывшими заключенными. А чем в глухой тайге обернётся такое соседство, ведает один бог... В издание также включена детективная повесть «Пять дней в сентябре», рассказывающая о расследовании убийства на таёжной буровой, и роман «Охота в Путоранах».

ISBN 978-5-4484-8112-3

© Кустов В. Н., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

По метеоусловиям Таймыра	6
Пять дней в сентябре	16
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Николаевич Кустов

По метеоусловиям Таймыра

© Кустов В.Н., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

По метеоусловиям Таймыра

Как ни молился в душе Антипин, ничего не помогло – над аэропортом висели тяжёлые облака, из которых лениво сыпался мокрый снег, и «аннушки» ровной шеренгой стояли на приколе. Но он всё-таки пошёл к справочной. Молоденькая дежурная оторвалась от журнала, привычно произнесла:

– По метеоусловиям все местные авиалинии закрыты.

– Надолго? – спросил он, хотя прекрасно знал, что на этот вопрос ему никто не сможет ответить, и, постояв, вернулся к рабочим.

– Загораем, – понятливо встретил его Харитонов. – Работа стоит, деньги идут... Так мы, с твоего позволения, начальник, отметим перелёт полярного круга...

Антипин обвёл взглядом рабочих, стоящих за спиной у Харитонova, буркнул:

– Только не до вытрезвителя.

– Обижаеть!.. – Харитонов прищурился. – Мы как миллионеры, в банке много, в кармане – шиш.

Он повернулся, вразвалку пошёл через зал на яркий указатель «Ресторан», и следом послушно потянулись остальные.

«Золотоискатели, так вас и растак», – уныло подумал Антипин, провожая взглядом сутулые спины в одинаковых, защитного цвета телогрейках. Крикнул вслед:

– Харитонов! В шесть у справочной жду!

– Замётано.

Антипин вышел на улицу.

Снег падал ещё гуще, не оставляя надежд пассажирам на скорый вылет. На горизонте смутно серели унылые пятиэтажки Алыкели и два виднеющихся вагона ждущей электрички. Махнуть бы в город к приятелям – и ожидания бы не заметил, помечтал он и с раздражением подумал о своей команде: накуролесят без него, за всё лето не расхлебаешь. Потом, с таким же раздражением, вспомнил начальство, оттянувшее вылет на два дня, а эти два дня – вот они и обернулись теперь июньской метелью.

Он курил, стоя под козырьком аэровокзала, провожая спешащих на электричку неулетевших отпускников. И завидовал им: пусть через день, два, неделю, но всё равно улетят они в свой длинный отпуск, на морские пляжи, под жаркое солнце, а у него пятый год лето проходит в тундре, пятый год купаться и загорать будет в бане да под кварцевыми лампами.

– Бородатенький, – потянула его за рукав намалёванная красавица в дублёнке. – Будь любезен, разреши сигаретку?..

Он вытащил из пачки две.

– Зачем? – Она скользнула пальцами по его руке. – Я сама могу тебя угостить...

Он оглядел когда-то красивое, а теперь уже помятое усталое лицо, стараясь поймать взгляд, но женщина отводила глаза и, кривя губы, шумно выпускала дым.

– Так я ведь, миленькая, ещё только туда, а не оттуда, так что... – он похлопал по планшету, – пустой ещё.

Она прищурилась, жеманно оттопыривая пальцы с зажатой сигаретой, постучала носком сапога по мокрому бетону; он усмехнулся – точь-в-точь, как скаковая лошадь.

– Ты мне нравишься. Когда обратно ждать?

– Когда пухлый станет, – он опять похлопал по планшету.

Женщина натянуто засмеялась, но не уходила, и Антипин спросил:

– Может, три рубля дать? Авансом.

– Я о таком мальчике всю жизнь мечтала.

– Помечтай ещё, девочка...

Он пошёл в зал, с горечью думая, что вот и здесь, у чёрта на куличках, появились ждущие девочки, с услужливым телом и цепкими пальчиками...

На выдаче багажа остались только его ящики, и дежурный, недовольно ворча, придирчиво сверил номера и вытолкнул их за перегородку. Антипин хотел попросить его помочь отнести багаж в камеру хранения, но передумал, стал таскать сам.

Потом опять вышел на улицу, хотя и так было видно, что снег не только не убавился, а повалил ещё пуще – ночь в аэропорту им была гарантирована. И хорошо, если только одна.

В маленькой гостинице мест не было, в ожидании, что кто-то вдруг съедет, в фойе томила сонная очередь, и Антипин пошёл в комнату дежурного милиционера. Белёсому сержанту сказал, что по делу к старшему, и тот неохотно пропустил его к лейтенанту, пристроившемуся в маленьком закутке между камерой предварительного заключения и столом дежурного милиционера.

– Слушаю, – сказал лейтенант, отводя взгляд от окна.

Антипин протянул свои документы, потом пачку паспортов рабочих и, не ожидая приглашения, присел на стул. Тот полистал документы, недоуменно вскинул глаза.

– Так в чём дело?

– Контингент у меня, сами понимаете, – неторопливо начал Антипин. – И из мест заключения, и такие, что чудом там не побывали, а тут вот нелётная погода. В гостиницу их устраивать опасаясь, да и мест нет, ну а в зале, сами понимаете, всё может случиться... Помогли бы с ночлегом, у вас вот свободно...

Лейтенант пристально посмотрел на Антипина, не шутит ли, но лицо у того было серьёзным, и произнёс:

– Попрошу ещё документы.

Антипин опять вывалил всё на стол. На этот раз лейтенант листал их гораздо дольше.

– Ладно, – возвращая паспорта, сказал он. – Учтём. Если часиков до двенадцати никого не посадим, переночуете в капэзе, устраивает?

– Их всё устраивает.

– А вас?

– Меня тем более... Благодарю.

До шести часов Антипин побродил по залам, прочитал с первой до последней строчки трёхдневной давности «Известия». В шесть вечера у справочной никого не нашёл и поднялся в ресторан.

Рабочих он увидел в дальнем углу, в дымном тумане, и, пока пробирался к ним между тесно стоящими столиками, заметил и давешнюю «девочку». Она что-то нашёптывала заросшему грязной щетиной мужичку, ласково поглаживая обмороженные, со слезшими ногтями, пальцы. «Мальчик» пьяно улыбался.

– А, начальник... – поднялся навстречу Харитонов. – Садись, не побрезгуй.

Антипин придвинул свободный стул, выпил протянутую Харитоновым рюмку, закусил балыком.

– Красиво гуляете, – сказал он, оглядывая стол с початыми бутылками коньяка, водки, дорогими закусками.

– Напоследок... – ткнулся через стол пьяный Сёмушкин.

Харитонов положил ему на плечо руку:

– Отдыхай, Семён, отдыхай... Познакомься, начальник.

Антипин кивнул. Он уже давно разглядывал краснощёкого вербовщика, сидящего рядом с Харитоновым.

– Ну, как положено, за знакомство, – потянулся тот с рюмкой через стол, и Антипин чокнулся.

– Угощаем, значит, – сказал он вербовщику, и тот, нагло усмехнувшись, кивнул: «Угощаем».

«Знаем твоё угощение», – безмолвно продолжил Антипин, и тот так же безмолвно ответил: «а как же иначе?» И по тому, как блеснули его глаза, Антипин понял, что дело своё вербовщик считает сделанным и его, Антипина, совсем не боится.

Он положил на планшет руку, и вербовщик его понял.

– Ну всё, мужики, – сказал он. – Вы сидите, а у меня дела...

И покатил между столами, поблёскивая вытертым костюмом.

– Допьёте, найдёте меня в зале, – поднялся Антипин.

– Сделаем, начальник, будь спок.

Он вышел из ресторана, обошёл зал, но вербовщика и след простыл.

Понятливый, подумал Антипин, и без особой надежды, но всё же помолился на хорошую погоду. Больше он ничего сделать не мог...

В полночь КПЗ осталась свободной, и пьяных, но ещё держащихся на ногах рабочих Антипин разместил на ночлег.

– С вас бы не только за удобства, за вытрезвление брать деньги надо, – сказал лейтенант.

– У них в карманах дырки, брать нечего, – трезво объяснил Антипин. – Ничего, они спокойно спят.

– А вы здесь можете переночевать, – посочувствовал лейтенант, кивая на свой угол. – На стульях. Жёстко, конечно, но выспаться можно.

– Да я уж с ними, за компанию.

Антипин, подвинув храпящего Харитонову, опустился на пол у двери, снял куртку, бросил под голову планшет, хотел сдать на хранение лейтенанту наган, но передумал, сунул его туда же, под голову, и с наслаждением вытянулся, всем телом чувствуя неодолимую усталость.

... Проснулся Антипин от криков, причитаний и громких голосов. В КПЗ никого не было. Натянул сапоги, подхватил свои вещи и вышел на свет. Перед лейтенантом, размазывая слезы, сидел вчерашний «мальчик». Из расстёгнутого ворота рубашки выглядывали седые, мокрые от слёз волосы.

– Проснулись? – повернулся лейтенант. – А ваши недавно пошли завтракать.

– Стер-р-ва, – канючил мужчина. – Паскуда...

– Ну-ка, не выражайся! – прикрикнул лейтенант и, повернувшись к Антипину, пояснил: – Пять тысяч, говорит, спёрла. А кто – не помнит.

– Спасибо за ночлег, лейтенант.

Ресторан был закрыт.

В буфете рабочих не оказалось. Антипин выпил кофе и пошёл к справочной. Уже другая дежурная, ещё более юная, чем вчерашняя, сообщила, что вроде скоро должно распогодиться. Антипин потолкался у регистрационной стойки. Длинная очередь упорно дремала на ногах, и он тоже решил далеко не отходить. Только вышел на крыльцо, посмотреть погоду.

Снег действительно поредел, и тучи вроде бы поднялись повыше, отодвинулся горизонт – он теперь опирался на белую полоску тундры и последний вагон электрички.

Вернувшись, увидел спрессованную толпу у стойки. Дежурная, возвышающаяся над ней, хрипло кричала:

– На Хантайское озеро за вчерашнее число. Только за вчерашнее!..

– Есть за вчерашнее! – крикнул Антипин и врезался в толпу, поднимая над головой планшет. – Вот здесь, девушка...

– Что вы мне суετε?! – прокричала дежурная.

– Да не граната же, билеты там, документы...

Проклиная запропавших куда-то рабочих, Антипин пробился к стойке, расстегнул планшет.

– Сейчас, девушка, сейчас, – вытащил свои документы и снова приподнял крышку планшета, уже догадываясь, но ещё не веря в случившееся.

– Есть на Хантайское озеро за вчерашнее число?! – кричала дежурная. – Где ваши билеты?

– Простите, – сказал Антипин. – У нас на завтра, я ошибся. – И стал выбираться из толпы.

«Ах, золотой ты мой, понятливый, – думал он. – Ах ты, девочка моя лысая. Как ещё наган не унесли, а то так бы в камере и прописался. Ну, душенька, чтоб тебе намучиться с моими рабочими, чтоб тебя начальство поскорее вытурило за такую работу».

И ему казалось, что его искренние пожелания должны были дойти до ловкого вербовщика и сильно ему икалось.

Но он всё-таки заглянул к лейтенанту. Тот уже передавал дела такому же неторопливому, но строгому коллеге, и на вопрос Антипина, радуясь предстоящему отдыху, бросил:

– Не было, не было твоих, как ушли с утра, так и всё. – И насторожился: – Случилось что?

– Всё нормально, – успокоил его Антипин.

Он нашёл в зале пустое кресло и присел в нём, оценивая ситуацию, до тех пор, пока не услышал произнесённую по динамику свою фамилию.

– Антипин Павел Сергеевич, вас просят подойти к справочной... Антипин Павел Сергеевич, вас ожидают у справочного бюро.

«Кто меня может ожидать, кроме моих болот?» – подумал Антипин, но всё же пошёл.

Сначала он решил, что в телогрейке защитного цвета стоит у окошка Сёмушкин. Но похожий на Сёмушкина обернулся и оказался незнакомым парнем.

– Я Антипин, – сказал он в окошко. – Кто меня ждёт?

– Вот этот товарищ, – высунулась дежурная, показывая на парня.

– Вы Антипин? – обрадовался тот. – Я – Жигайло, Вадим Жигайло, слава богу, догнал вас, а то боялся, придётся в тундре искать.

– Догнали, – протягивая руку, согласился Антипин. – Только зачем?

– Я – практикант, меня к вам направили.

– Прекрасно. Только вас?

– Да, сказали, что у вас рабочие есть, я буду техником.

– Правильно сказали. Ну, идём...

Антипин повёл Жигайло в ресторан.

Смотрел, как изголодавшийся практикант ест, внимал его восторгам от Заполярья, куда тот попал впервые, и думал.

– Нет у меня рабочих, Вадим, – сказал он наконец. – Сбежали. Так что пока нас двое.

Он не стал объяснять, что произошло, начальственным тоном произнёс:

– Вот здесь, в аэропорту, мы должны найти с тобой двух рабочих. И улететь сегодня. Задача ясна?

– Не совсем.

– Значит, ясна. Встречаемся возле кабинета начальника аэропорта. Чтобы один рабочий с тобой был.

... Жигайло привёл Манохина, а Антипин нашёл Сердюка. Манохин Антипину не понравился. Он смотрел исподлобья и всё время руки держал в карманах нового ватника. Сердюк же был здоровый, широкоплечий флегматик с простецким, даже несколько глуповатым лицом.

– Согласен? – спросил Антипин Манохина.

– Всё одно.

– Ну, давай паспорт.

– А это не подходяще?

Манохин протянул справку, и Антипин понял, что первое впечатление его не обмануло. Он посмотрел Манохину в глаза и пошёл к начальнику аэропорта добывать билеты.

– Не брешет? – спросил Сердюк у Вадима Жигайло, кивая в сторону двери. – Говорит, за месяц больше чем по пятьсот чистыми будет?

– Точно, – ответил за него Манохин. – А то и вся тыща, готовь мешок.

– Зачем мешок? У меня сберкнижка есть, я деньги туда...

– Ну-ну...

... Антипин вышел из кабинета красный и злой, но с билетами.

Через толпу к стойке его протолкнул Сердюк. Дежурная сказала, что самолёт уже переполнен, но Антипин раскрыл планшет, дал взглянуть ей на воронёный наган и сказал, что везёт спешный и важный груз.

Пока они таскали ящики, пассажиры мёрзли в неотопливаемом салоне самолёта, а лётчик многозначительно стучал по часам. Потом, когда самолёт поднялся, Антипин зашёл в кабину и оставил пилотам вторую флягу со спиртом из своего «энзэ».

– Геолог? – наклонился второй пилот, засовывая флягу в карман меховой кожанки.

– Вроде... За поле, на удачу.

– Как положено... А то пусть до обратной тропы полежит, вместе и отметим... – Пилот широко улыбался, зная, что никак фляжка не долежит до возвращения Антипина и что тот понимает это, и Антипин улыбнулся:

– Тогда другая будет.

Самолёт начало бросать, и лётчикам стало не до него.

Он вернулся на свои ящики. Под крылом тянулась тундра, которая, пожалуй, не приелась ещё только Жигайло, прилипшему к иллюминатору. Тундра тянулась бесконечной и безмолвной пятнистой гладью, и Антипин удивился, что даже сейчас он не ненавидит её...

Евсеич, председатель рыболовецкого колхоза, словно ждал его, и Антипина это растрогало, хотя он знал, что так встречают здесь каждый самолёт. Они обнялись, похлопали друг друга по спинам. Евсеич увёл его к себе, велел накормить и позаботиться об остальных. Скоротали вечерок, повспоминали, но второпях, как, впрочем, всегда бывало в первый день.

Ночевали в доме правления, который Евсеич с удовольствием уступал всем приезжим. Поздно вечером, покуривая на крыльчке правления, они предварительно, вчерновую обговорили маршрут, разделили участки и рабочих, а наутро вышли на маршрут.

Сердюка Антипин отправил с практикантом. Сердюк был ему ясен: трудяга-старатель, одержимый мечтой побольше накопить да побыстрее вернуться к себе в деревню, где и мамка с батюшкой живут, и ядрёная девка ждёт не дожждётся... Манохин больше молчал, деньгами не интересовался, посмеивался над Сердюком. Но в этом молчании была какая-то опасность, в которой Антипин никак не мог разобраться. Из-за Манохина он был сердит на практиканта, который привёл того.

Антипин показал по карте маршруты, сообщил сроки, сказал, что так как они будут брать пробы двумя, а не тремя парами, а сроки жёсткие, придётся работать от темна до темна.

– Которого здесь не бывает, – с иронией заметил Манохин.

Антипин пропустил это мимо ушей: пусть считает, что он новичок в тундре, если ему хочется; но сделал вывод, что срок Манохин отбывал в этих краях. Сердюка длина рабочего дня не интересовала, по четыре часа спать, так по четыре, только бы деньги платили.

– Так каждый за полторы будет работать? – спросил он. – А заработок?

– Тоже за полторы, – кивнул Антипин. И чтобы Сердюк не мучился, добавил: – Почти тысяча получится.

Теперь он был уверен, что тот будет работать на совесть. Манохин отнёсся к сказанному вроде бы равнодушно.

Перед выходом Антипин выдал каждому по водозащитному костюму, комплекту «энзэ», распределил по рюкзакам продукты и бензин для примуса. Карабин отдал Жигайло. Он пла-

нировал в две недели закончить одно большое кольцо к северу от озера, затем, забрав в посёлке оставшиеся продукты, – второе, поменьше.

Сразу за посёлком разделились, разошлись вдоль разных речушек. Замеряя показания, занося всё новые и новые данные в блокнот, Антипин иногда ловил себя на мысли, что всего лишь месяц – и кончится его пятилетняя бродяжья жизнь, кончится, закроется тема в его институте и подойдёт к концу его кандидатская. Нет, он хотел вернуться в тундру, хотел, но только после длинного жаркого лета, после тёплого моря, и наконец-то без цели, без вечной гонки, спешки, без рюкзака, пригибающего к земле. Приехать туристом, пощёлкать фотоаппаратом, полюбоваться экзотикой, попить чайку недалеко от посёлка, но в настоящей тундре, и вернуться на комфортабельный пароход с уютной каютой, душем, унитазом...

Манохин послушно, но без энтузиазма выполнял всё, что Антипин приказывал: таскал рюкзак, брал пробы, но если выдавалась свободная минута, садился и тусклым взглядом озирает тундру, блюдца озёр, болота и Антипина. По вечерам, почти не ошибаясь, кто раньше, кто позже, обе пары выходили на место ночёвки. Если рядом оказывались чахлые деревца, разжигали костёр, если нет – кипятили на примусе чай и ужинали консервами. Консервы и концентраты – это всё, что несли они на себе, остальное давала тундра. Больше всех везло Сердюку. И рыба ему попадалась крупнее, и утки чаще вылетали на него. К концу недели карабин переключал к нему, и Жигайло, постигший правоту пословицы, что в походе и иголка тяжела, был этому только рад.

Первый маршрут сделали в планируемые две недели. Председатель колхоза приготовил им сюрприз: протопил баньку. После баньки Антипин распечатал припрятанную именно для такого случая бутылку спирта.

– Ну, Евсеич, за очередное лето. – И повторил, что говорил при каждой встрече за пять лет: – За богатую тундру.

– За тундру, Сергеич...

Жигайло опьянел сразу. Это было неудивительно после двухнедельного недосыпания, после почти двухсоткилометрового маршрута по болотам и кочкам, и, слушая его пьяные, но не лишённые мысли разлагольствования, Антипин подумал, что Вадим практику выдержал. И не только производственную... А может, даже не столько производственную...

– Давай ещё смажем, – сказал Евсеич и достал свою, припрятанную тоже для такого случая, бутылку.

– Что, скрипят? – спросил Антипин.

– Скрипят, – поморщился председатель и потёр припухшие колени.

– На грязи тебе надо да на горячий песочек, – в который раз повторил Антипин говоренное и прошлым, и позапрошлым летом.

– Я уж и так в непогодь в море не хожу.

– А вы что, всё время здесь живёте? – спросил Сердюк.

– Так и этак, считай, лет двадцать, – отозвался Евсеич.

И охотно стал рассказывать, о чём Антипин хорошо знал. Как не по своей воле попал Евсеич в Норильск, отработал положенное, вернулся в родной провинциальный городок в центре России и не застал в живых ни мать, ни отца. Не дождалась его и жена, уехала с новым милым на целину. Ехал домой, а оказалось, что нет у него никого и ничего. И от такой тоски и одиночества развернулся Евсеич опять и полетел на Север. Тут его один приятель и подбил в рыболовецкую бригаду махнуть.

– Помянем, – сказал Евсеич, и все выпили, хотя только один Антипин знал, кого помянули. Приятель Евсеича лет десять назад утонул в озере. Его не нашли, но Евсеич соорудил памятник: на скале, нависшей над озером, поставил плоский, окатанный холодной водой камень и каждый год подновлял на нём надпись. Надпись эту Антипин хорошо помнил: «*Не*

отцу, не брату, не другу, самому себе, каким был, каким стал и каким умру. Скорблю и внемлю. Здесь похоронен Сидор Макухин – человек».

– А как вы с местными живёте, нормально? – спросил Сердюк. – Ничего народ?

– Народ хороший, работающий.

– Так вы и по-ихнему говорите?

– За двадцать лет я уж многому научился, – усмехнулся Евсеич.

Сердюк расспрашивал о заработках.

Жигайло спал, по-детски пуская слюни.

Манохин вертел в руках кружку и, всё краснея, не спускал глаз с Евсеича. Вдруг спросил:

– Доволен?

– Живу, – ответил Евсеич.

– Денег, наверное, мешок скопил?

– Деньги-то есть, тратить здесь их некуда. Могилки родительские в порядок привёл, главное сделал...

– Да не счастлив ты, притворяешься! – с нескрываемой злобой перебил Манохин. – Гниёшь тут, а довольного жизнью корчишь, для простачков.

– Манохин... – предупреждая произнёс Антипин.

– Что Манохин? Говорю, что думаю, запретишь?.. Запрещать все любят.

– Пусть, – вступился Евсеич. – Человеку выговориться надо, пусть.

– Ладно, этот, деревня, – кивнул Манохин на Сердюка, – он хоть не скрывает, что деньги любит, а то – «народ хороший, привык, дело делать надо»... Кому надо? Жизнь – это когда всё есть, когда что хочешь, то и делаешь, что хочешь – покупаешь, куда хочешь – едешь. Да если б ты, старик, волен был, ты в этой дыре часу лишнего не высидел бы, а начальник, тот никогда б на Севере и не побывал... Честно надо: жить не умеете! Сил нет на настоящую жизнь. Притворяетесь...

– А ты? – спросил Антипин.

– Я?.. – Манохин медленно допил спирт. – У меня сила есть. Только не дают всякие-разные... А каждый в жизни о себе думать должен. Ты для меня пальцем не пошевелишь, и я для тебя. Своя шкура – главное.

– Он прав. – Евсеич потёр коленки. – Ломит... Прав он, Сергеич, каждый о себе должен думать, только не по тому кодексу, через который и я прошёл, а по человеческому, общему... Как Сидор, который на перевёрнутый баркас всех разместил, а самому места не хватило.

Манохин заскрежетал зубами и вышел.

– Ничего, – повернулся к Антипину Евсеич. – Правильно сделал, что с собой взял. Раз заговорил, значит, сомневается.

– Нервный он, – добродушно произнёс Сердюк. – А если за деньги, плохо разве?.. Я ж не краду, своими руками, вот. – Он вытянул широкие мозолистые ладони. – А если кому надо помочь, я и за так, просто, что Сердюк – не человек?..

Он вышел за Манохиним. Поднялся было и Антипин, но Евсеич придержал:

– Сами разберутся, ничего... Так обратно ждать в срок?

– Думаю, успеем, – кивнул Антипин.

За стеной бубнили.

Он прислушивался к интонациям, но разговор, похоже, шёл мирный.

Первым вернулся Манохин, молча завалился спать.

Поёживаясь вошёл Сердюк, принеся с собой прохладный, пахнувший рыбой воздух. Помог Антипину уложить уснувшего за столом практиканта. Прихрамывая то на одну, то на другую ногу, пошёл к двери Евсеич. Антипин вышел с ним на крыльцо. Там уже ждал молодой эвенк Алексей, который называл Евсеича отцом. Он подставил плечо, и Евсеич, опершись на него, спустился и медленно, держась за Алексея, пошёл в сторону своего дома.

... На третью неделю пригрело солнышко. Белые шапки снега на северных склонах недалёких гор посерели, стали на глазах уменьшаться. Тундра оживала. Откровеннее всех стремительному наступлению заполярного лета радовался Жигайло. Радовался и поражался, как некогда поражался Антипин, прежде чем поверил в своеобразную, суровую жизнь в этих, безжизненных на первый взгляд, безлюдных просторах. Поверил и принял.

Хозяйственный Сердюк досаждал вопросами о ягодах, дичи, куда сбывать добычу и почём, да и Манохин вроде разошёлся, не так уныло стал оглядывать болота, оживившиеся длинноногими шустрыми куликами и суетливыми утками. И всё-таки нет-нет да ловил на себе Антипин его изучающий взгляд.

Как ни торопились, но к намеченному сроку уложиться не успевали. Поползли наледи, вскрылись болота, и прочерченный на карте маршрут приходилось постоянно корректировать.

Антипин решил не делать больше совместных ночёвок; договорившись с Жигайло встретиться через три дня, они разошлись. После первой ночёвки он понял, что сделал это напрасно, потому что проснулся разбитый, с ломотой во всём теле. Понял, что заболел, но, преодолевая слабость, уложил рюкзак, нацепил планшет.

К обеду он почувствовал себя хуже, но не подал виду. Велел Манохину открыть консервы. Начал спускаться к речушке, возле которой остановились, но каждый шаг отзывался тупой болью, и Антипин вернулся, впервые нарушив им самим заведённый порядок.

– Я открою, – забрал у Манохина банку. – Возьми пробы.

Манохин ничего не сказал, но всё так же продолжал сидеть на подсохшем мху прогретого пригорка. Чувствуя, как наливаются свинцовой тяжестью ноги, Антипин спустился к воде сам, сначала бросил в рот пару таблеток, потом набрал пробирки. Повернулся и растерянно замер.

Манохин стоял на пригорке, и в его вытянутой руке чернел наган. Антипин сунул руку в карман куртки, но Манохин хрипло сказал:

– Твой наган, не ищи.

– Выпал, значит.

– Не выпал, начальник. – Манохин обхватил рукоятку двумя руками, и Антипин увидел чёрный маленький круг, направленный в его переносицу. Глаза у Манохина были белыми и невидящими, и Антипин почувствовал, как по лопаткам, позвоночнику прокатилась горячая волна.

– Страшно? – скривил тонкие губы Манохин.

– Страшно, – хрипло ответил он. – Только зачем тебе? Денег у меня – двести рублей на обратную дорогу. Да и не уйдёшь отсюда, только на озеро...

– Страшно всё-таки. А я думал, что не испугаешься. – Манохин опустил левую руку. – Возьми.

Антипин качнулся и медленно пошёл к нему, стараясь не смотреть в это притягивающее отверстие, физически ощущая, как «отпечатывается» оно то в одном, то в другом месте его тела.

– Эх, начальник... – срывающимся голосом произнёс Манохин. – Жизнь моя и так загубленная...

И выстрелил.

Антипин пригнулся, уже не в силах не смотреть на покачивающийся ствол и пуля прожужжала над его головой.

Манохин опустил руку, разжал ладонь и носком сапога толкнул упавший наган к Антипину:

– А если ты меня убьёшь, пойдёшь ведь со смягчающими, в целях самозащиты...

– Как убийца.

Антипин поднял наган, прокрутил барабан, выбрасывая патроны в болото и, разрядив, рукояткой вниз засунул его в рюкзак. Опустился на мягкий мох, переждал черноту в глазах, стал записывать показания приборов.

Манохин молча постоял над ним, потом с пробирками спустился к речке.

...На следующий день Антипин почувствовал себя совсем худо. Его знобило, на шею злоеще набухал фурункул. Он прикинул по карте, где могут быть Жигайло с Сердюком, и весь день они шли с Манохиным, как туристы на экскурсии, не делая замеров. Антипин, тяжело дыша – впереди, преодолевая всё усиливающуюся слабость. Манохин молча шёл следом, иногда что-то насвистывая или отбегая в сторону, чтобы спугнуть увлечшихся поединком драчливых петухов. Всё чаще Антипин ложился отдыхать. Лежал, хватая ртом колючий воздух. И Манохин ложился, лениво жуя вытаявшую из-под снега морошку...

После обеда они наткнулись на следы, и Антипин отправил Манохина догонять мужиков, а сам пошёл следом. Одному идти было легче, он не тянулся из последних сил, чаще останавливался, ожидая, пока успокоится колотящееся в груди сердце. Ему было уже безразлично, закончит он в этом году диссертацию или нет. Ему был безразличен Манохин. Ему было безразлично всё, кроме упругой, кочковатой, покрытой мхами, остатками снега и водными зеркалами тундры. Так он шёл, наверное, долго, потому что сухость во рту стала обжигающей – ведь когда Манохин уходил, он совсем не хотел пить. Антипин думал, как хорошо в пустыне, как жарко, как приятно это, когда жарко, когда прожигает насквозь...

Сначала он увидел Сердюка, стоящего на самом краю горизонта, и только потом Манохина. Сердюк был далеко и где-то вверху, а Манохин рядом и внизу, были видны только его плечи и руки, вскинутые вверх и судорожно цепляющиеся за воздух. Манохин молча скрёб пальцами по скользкому во льду мху и, увидев Антипина, сдавленно прохрипел:

– Всё. Хана мне...

И тогда Антипин догадался, что того засасывает болото, что Манохин не отдыхает, как он думал секунду назад, а медленно уходит в тягучую жижу.

– Держись! – прохрипел Антипин и, сбрасывая рюкзак, стал искать глазами хоть какой-нибудь кустик. Но вокруг безбрежным полем стлался мох.

Антипин лёг на край болота, но не достал ищущих рук Манохина. И тогда он стащил болотные сапоги с длинными отворотами, двумя чёрными лыжами бросил их в трясины, сорвал куртку, накинул сверху, лёг на неё, чувствуя, как медленно проваливается вниз, но всё же успев втолкнуть руку в цепкие пальцы Манохина.

– Ногами не шевели, – прохрипел, сплёвывая холодную коричневую жижу, заползающую в рот, и тянул, тянул Манохина, проваливаясь сам всё больше и больше.

Лицо Манохина приближалось, и глядя в его глаза, Антипин подумал, что если и есть в человеке душа, то душа Манохина сейчас в этих огромных глазах...

Потом Манохин сумел ухватиться одной рукой за кочку и, плеснув в лицо Антипину сгусток грязи, пополз к берегу, а Антипин поехал на куртке в другую сторону – туда, где только что был Манохин. Он уже весь был в коричневой жиже, только пальцы ног всё ещё чувствовали мокрый мох и руки упирались в податливую ткань куртки там, под грязью, и их можно было выдернуть. Он их выдернул и почувствовал, как потянула его к себе ненасытная и бездушная глубь, подумал, что дело дрянь, но тут кто-то сильно дернул его за ноги и он окупился в вязкую жижу...

Антипин пришёл в себя от тепла, расходящегося по телу. Жигайло прижимал к его губам фляжку, и он, ещё раз глотнув, спросил:

– Манохину дали?

– Дали, – сказал Жигайло. – Вон он, сушится.

Манохин сидел между маленьким костерком и гудящим примусом и смотрел на Антипина.

- Ну как? – спросил Жигайло.
- Нормально, – кивнул Антипин.
- Тогда я пойду, помогу Сердюку, он там в километре отсюда сушняк нашёл.
- Иди.

Антипин лежал и смотрел на солнце. Красный шар скользил по горизонту, и Антипин подумал, что сейчас по метеоусловиям Таймыра все маленькие и большие порты и днём, и светлой ночью будут бесперебойно принимать борта.

Манохин перетащил его вместе со спальным мешком к костру, поставил рядом примус и сел, плотно прижавшись к его спине.

- Скажи, зачем ты полез ко мне? – хрипло спросил он.
- Антипин помолчал, всё ещё думая о лётной погоде, потом ответил:
- От страха... Страшно, когда рядом кто-то умирает. Страшно...

...К следующему вечеру Сердюк и Манохин вынесли его к посёлку. Жигайло связался по радию с Норильском, самолёт обещали прислать утром. Евсеич натопил баньку, и вдвоём с Алексеем они пропарили Антипина, закутали в олени шкуры, и ему снилось, что он лежит на огромном раскалённом пляже и самое живительное тепло – тепло земли – множеством игл пронизывает его тело...

К самолёту он хотел идти сам, но его уложили на носилки, и Манохин с Сердюком осторожно поставили их возле кабины. Жигайло сел рядом. Рабочие всё ещё стояли, и Антипин попытался пошутить:

- Так стоя и полетите?..
- Останемся мы, – отозвался Сердюк. – Я там Вадиму всё записал, пусть деньги перечислит на книжку. С Евсеичем мы... Порыбачим... Выздоровливайте, на следующее лето прилетайте.
- Дождёшься?
- Дождусь, – твёрдо пообещал Сердюк.

Он загремел сапожищами, а Манохин задержался, поглядывая на Жигайло, и Антипин сказал:

- Где там Евсеич? Взгляни, Вадим.
- Жигайло понятно оставил их одних.
- Ну что, Манохин, и ты остаёшься?
- Не говори, что запомнишь, – сказал Манохин. – Я тоже постараюсь скорей всё забыть.

Неприятное надо забывать. Если милиции понадобится, зимой здесь найти смогут.

- Живи, Манохин, – сказал Антипин. – Никому ты не нужен. Вот только если Евсеичу...

Он протянул руку, и Манохин, помедлив, протянул свою. Его ладонь, крепко сжимавшая антипинскую, подрагивала.

Поднялся в самолёт Евсеич, поставил в угол мешок вяленой рыбы, перекрестил Антипина.

- Не верующий, но на всякий случай.

Глаза у него заблестели, и Антипин подумал, что на следующее лето он обязательно увезёт Евсеича с собой в отпуск, на лечебные грязи.

Зашли лётчики, отобедовшие в колхозной столовой, зашумели, погнались прочь провожающих, и командир спросил Антипина:

- Ну как, летим?
- Летим, – сказал Антипин. – Как там, по метеоусловиям?
- Всё нормально, – ответил тот. – Круглые сутки солнце. Лето.

Антипин приподнялся на носилках, Вадим Жигайло подложил ему под спину рюкзак, и он увидел в иллюминаторе тёмную рябь озера, покачивающиеся баркасы и фигурки людей. Он увидел тундру, освещённую ярким солнцем, с блестящими зеркалами нарастающих снегов...

Пять дней в сентябре

5 сентября. Ночь

Проснулся Коробов от тишины. Она была так обманчиво похожа на другую тишину, что он воочию увидел остывающие угли, белеющие линии удилиц, спохватился, что надо бы разжечь костёр, вскипятить чай, а то можно и так, не сдерживая нетерпения, рвануть к перекату, закинуть удочку под первый, облюбленный издали камень, в пенный круговорот подвести мушку.

Обойдусь без чая, решил он, и вдруг что-то в этой тишине показалось ему странным. Он открыл глаза.

Над головой матово отсвечивал потолок вагончика, свет от лампочки, висевшей на столбе за окном, пронизывал красновато-жёлтым лучом.

Почему тихо, подумал он, и, словно подслушав его мысли, забубнил один дизель, потом другой...

Коробов повернулся на бок, упёрся коленками в холодящую стену, собравшись вернуться в приятный сон, но что-то в звуке работающих дизелей его насторожило.

Он сел. Нашупал сапоги, портянки. Намотал их, всунул ноги в холодную кирзу.

На верхней полке зашевелился студент, свесил голову:

– Что, пора уже?

– Спи, – сказал Коробов. – Ещё рано.

Студент облегчённо вздохнул, отвернулся к стене, задышал ровно и глубоко.

Коробов вышел на улицу.

Вышка светилась в ночи праздничным треугольником, и отсюда, от вагончиков, казалось, что там всё спокойно. Глядя на вышку, на бледнеющие звёзды, он достал папиросы, прикурил. Смотрел и курил. Хотелось верить в лучшее, но дробящийся звук, застывший элеватор оставляли всё меньше и меньше надежд. Он уже не сомневался, что Ляхов тянет на пределе. Стоит, упёршись ногами в дрожащий металлический пол, немеющими руками сжимая рукоятку тормоза лебёдки, не сводя глаз с дёргающейся стрелки. Деление – тонна. Одна, вторая, третья...

Дизели взревели и смолкли. Ровно постукивал только один из них, дающий свет и тепло.

В проёме буровой показался Ляхов.

Он начал спускаться по лесенке, но на середине остановился, и Коробов увидел, как от крайнего вагончика отделилась сутулая фигура мастера. Петухов шёл не спеша, словно ничего не случилось, шёл так, как всегда ходил по площадке: не поднимая от земли глаз и при этом умудряясь всё видеть. Он поднялся на помост, остановился, и Ляхов стал объяснять, как случился прихват, на каких режимах работал. Коробов знал, что сейчас Ляхов воздаст и ему за то, что не поменяли днём канат, хотя менять надо было позарез, да уж так шло долото, набирая метры проходки, что не удержался он, опустил инструмент в забой на старом канате.

Обозлился на Ляхова, понимая, что злиться надо на себя, и направился к вышке. Сначала он шёл быстрым шагом, потом поубавил, рассудив, что Ляхов ещё долго не стихнет, а слушать его сочные многоэтажные матюки желания не было. Тем более сейчас, когда между ними чёрная кошка пробежала. И повздорили-то из-за пустяка, практиканта. Студент был сначала в вахте Ляхова. Видел Коробов, как тот почём зря гоняет практиканта, учит уму-разуму. Бог с ним, пусть бы учил, порой это на пользу, а то ведь такие инженеры вылупляются, с какого бока к буровой подойти, не знают, так что в принципе Коробов был не против учения, но только не такого. Вот и не выдержал.

Остановил парня, когда тот бежал в вагончик за папиросой (Ляхов наказывал приносить только по одной папиросе, не больше, чтобы не сырели на буровой), и повёл к Петухову.

– Пусть у меня работает в вахте, – сказал он.

Мастер оторвался от рации, помолчал, разглядывая покрасневшего практиканта, перевёл взгляд на Коробова, буркнул:

– Обрато отпрать захочеш – не разрешу.

– Ладно, – подтолкнул парня в спину Коробов. И выйдя следом, приказал: – Переодевайся, отдыхай. Пойдеш в нашу смену.

– А как же... – Тот замялся.

– Я сам скажу Ляхову.

– Тут ещё папираса... – Студент протянул «беломорину».

– Выбрось, – сказал Коробов и пошёл на буровую...

Ляхов выслушал Коробова улыбаясь. Потом сплюнул, выдернул из замусоленной пачки Цыганка папиросу.

– Больно ты того, образованный стал, – гоня папиросу во рту из угла в угол, прогремел он. – Сам учить хочешь?.. Ну, учи-учи, педагог... Соплишки ему высмаркивай, а он тебе через два года на шею сядет, отыграется. Чо жалеть-то?.. Пока ты сверху – пользуйся. Точно, Цыганок, а?

Цыганок рассеянно улыбнулся, махнул рукой:

– Я это, поглядеть надо, что-то стучит там... – И побежал к дизелям.

– Ну ладно, – зло сказал Ляхов. – Бери сопляка, мне легче будет, а то вроде и есть помбур, и нет его. Законного требовать буду. Но учти, друг, мне это не ндра-вит-ся, – по слогам выговорил он.

– А мне твоё «ндравится – не ндравится» знаешь до чего?.. – Коробов еле сдерживал себя. – Вот так-то, друг...

Студент стал работать в вахте Коробова. Был он парнем неплохим, бойким, схватывал всё на лету. Ляхов презрительно поглядывал, но молчал. Может быть, со временем эта ссора забылась бы, если б не мешала память о давнем разговоре. Тогда Ляхов только появился на буровой. В первую заездку показывал «фирменный» класс работы, после чего Коробову пришлось раньше срока менять канат. А по дороге домой Ляхов заявил, что в Якутии, где он до этого «трубил», он «делал деньгу», а вот тут пришла пора орден «заиметь».

– Моё слово, получу!.. А ты что, бурило, ещё не повесил на грудь, зажимают?

– Зачем он мне. – сказал Коробов. – Разве это главное в работе, в жизни?..

– Чудила ты... А что ж, по-твоему, главное?.. На этом да на вот этом, – Ляхов пощёлкал пальцами, – мир стоит. За последнее всё что захочешь иметь будешь, а почёт тебя над людьми поднимет. Это немаловажно, где ты: выше или ниже. Ты со мной не темни, я говорю откровенно... Ты ведь думаешь так же, только боишься вслух сказать.

– Брось трепаться. На поезд опоздаем...

Ляхов пытался ещё что-то рассказать, но Коробов не слушал. Ему было неприятно. И почему-то стыдно...

Три года Ляхов «давал» метры. Ордена он, правда, не заработал, но из передовиков не выходил. На Доску почёта управления портрет повесили, премии получал исправно, в президиум выбирался. Но только с того вечера старался Коробов с ним меньше встречаться. Видел, как делались эти рекордные метры. Даже на другую буровую уходить собирался, да Петухов уговорил подождать...

Ляхов, кажется, успокоился, затопал вслед за мастером.

Тот постоял перед приборами, обошёл ротор, махнул рукой Цыганку и взялся за рычаг тормоза лебёдки. Цыганок включил дизели, тишина разорвалась, унеслась в распадок. Коробов присел на сложенные рядом с помостом трубы, поглядывая то на поднимающееся солнце, то на налёгшего на рычаг Петухова. Элеватор дрожал, как пуговица на резиновой нити. У младшего Коробова теперь такая игра: резинку в дырочки пуговицы пропускает, потянет за концы, а пуговка бесится...

– А вот и виновник торжества. – Ляхов чертыхнулся. – Из-за него прихватило. Не канат, я бы в три счёта вырвал...

– Ладно, кончай митинговать, – остановил его Петухов. – Кто виноват, с того спрошу сам. Сколько времени-то? – Он вскинул руку. – Ого, шестой. Что ж ты не спишь, Васильич? Ещё час законный... А ты, Виктор, не гоношись, не пугай дичь, и так всю распугали. Пойди-ка проверь ёмкости, задвижки, сдашь вахту в таком виде, чтобы после замены каната промывочную жидкость готовить начал.

Петухов повернулся, словно не замечая недовольства Ляхова, пошёл в дизельную. Помедлив, следом шагнул Коробов. Ляхов сплюнул, проводил взглядом его спину.

...В Якутии первым учителем Ляхова, тогда ещё салажонка, был Крутов. Мужик крепкий, ладный, всегда чисто выбритый и улыбающийся, он никак не походил на уголовника, но на буровую пришёл, отсидев шесть лет за какие-то махинации. Работать Крутов умел, начальству нравился, и Ляхов тогда привязался к нему. Научился так же энергично рубить слова, обещать твёрдым голосом, глядя прямо в глаза. Научился, если что надо, доставать из-под земли, не брезгуя ни уговорами, ни взятками, ни угрозами. Одним словом, школу он, как потом понял, прошёл неплохую. Пригодилась она ему в армии, где через два месяца он умудрился перейти в офицерскую столовую на раздачу. Там и прослужил два года. Вернулся на буровую и без угрызений совести отгеснил Крутова, вывел свою вахту в передовые, стал гнать бешеный процент. Даже Крутов сначала не мог его раскусить, а когда наконец понял и пришлось с ним делиться, Ляхов переехал на новое место...

– Устин! – крикнул Ляхов.

Из дизельной вышел первый помбур. Прошёл к лебедке, снял с кожуха верхонки, посмотрел на Ляхова.

– Чо смотришь? – сорвался Ляхов. – Чо ты как рак вылупился?.. Опять грелся, опять поясница ноет, а я тут за всех вкалывай! Где верховой?

– Наверху, – спокойно сказал Устин. – Спит, поди.

– Так буди его! И уберите всё лишнее возле лебёдки, сменщик канат менять будет.

Устин стал подниматься наверх, а Ляхов пошёл к емкостям. Длинной рейкой тыкал в маслянистую жидкость, скрежетал зубами. Было ясно, что их вахте придётся готовить раствор, таскать мешки, бегать по этим чёртовым емкостям, а Коробов только канат сменит. Чистоплюй... Ляхов выругался. Но вдруг вспомнил, что ещё два месяца – и всё останется в прошлом. И что не Коробов, а именно он, Ляхов, едет работать в Сирию. Сколько желающих было, а вот утвердили его. Ляхов это сознавал, он ценил оказанное доверие и радовался, представляя, как будет возвращаться через два года обратно на «Волге»... Ту самую малость, которой не хватает, там и доберёт. А то, гляди, ещё и орден заработает... От этих мыслей он повеселел. Стоя на металлическом мостике, перекинутом через ванну, представил, как проедет по Сосновке, загорелый, приодетый, поблёскивая новенькой «Волгой» и новеньким орденом: знайте Ляхова и уважайте.

Только размечтался, как увидел подходившего верхового.

– Выспался, – многозначительно произнёс он. – Бурило вкалывает, а верховой дрыхнет на потолке, совести ни на грамм.

– А ты не шуми. – Женька Зотов потянулся, зевнул. – Каждому своё. Тебе вот ругаться нравится, мне – спать...

Так хотелось Ляхову осадить верхового, но, встретив взгляд наглых Женькиных глаз, побоялся. Однажды он уже пытался проучить того по своему разумению, а вечером, возвращаясь с реки, где проверял «морды», столкнулся с Зотовым на тропе. Тот стоял на дороге, сжимая в руках мелкашку. Ляхов остановился, что-то не понравилось ему в позе верхового. Он вспомнил, что Женька недавно вернулся из лагеря, где отсидел срок немаленький. Верховой вскинул винтовку, пуля ударила в пень рядом с Ляховым.

– Ставь коробок, – хрипло сказал Зотов. – Ставь коробок на пень, кому говорю...
– Ты чо, паря? – сделал шаг вперёд Ляхов, и вторая пуля взбила фонтанчик пыли перед ним.

– Ну...

Трясущимися руками Ляхов поставил на пень коробок и не успел отойти, как раздался сухой щелчок выстрела и коробок отлетел в сторону.

– Запомни, бурило, – не опуская винтовки, произнёс Зотов. – Запомни на всю жизнь: Женьку обижать нельзя. Обидишь – предупреждать больше не стану...

Ляхов ещё раз оглядел жилистую фигуру верхового, выражавшую полнейшее равнодушие.

– Ладно, мы с тобой ещё поговорим. – Он бросил рейку. – Иди буровую помой...

Женька облокотился на поручни, уставился на гладкую поверхность раствора, застывшего в ваннах.

Оставшись один, он долгим взглядом проводил уходящего Ляхова, и шрам на его лице от подбородка к нижней губе подрагивал, выдавая напряжение.

Ляхов спустился с буровой, зашагал к вагончику мастера, но потом круто развернулся и вошёл в столовую.

Женька ещё раз потянулся, крикнул Устина. За полчаса, оставшиеся до конца смены, надо было привести буровую в порядок.

5 сентября. День

Петухов и Коробов доедали рожки с мясом, когда в столовую вошёл Ляхов. Прошёл в угол, сел за отдельно стоящий столик, на который обычно составляли грязную посуду.

Петухов отодвинул тарелку, постучал пальцами по столу. Повариха подала компот.

– Спасибо, Татьяна. А Ляхова кормить не собираешься?

– Сейчас, Петрович, накормлю.

– А что ты обо мне, Иван Петрович, беспокоишься? – не оборачиваясь, бросил Ляхов. – Я ведь не девка.

– Да и я не парень, – отрезал Петухов. – Всё сделал?

– Как всегда.

– Вот и ладненько... Пойдём, Фёдор Васильевич, поглядим.

Хлопнула дверь, и Ляхов круто повернулся. Татьяна покачала головой, поставила перед ним большую тарелку с рожками.

– И ты меня не уважаешь? – спросил Ляхов, придерживая её за руку. – Как что, так Ляхов вперёд, а как правду говорит, так негоден.

– Что же ты такого сказал? – Она поглядела в окно.

– А сказал мастеру, что Коробова гнать надо.

– И он с тобой согласился?

– Куда там. Они же приятели. Я, говорит, за Коробова двух Ляховых отдам. Видала? Ляхов – передовик, гордость экспедиции – его не устраивает, а какой-то там средний бурильщик устраивает.

– Пусти, – сказала Татьяна, убирая руку. – Устин идёт.

Она быстро прошла к плите, наложила новую порцию и, когда Устин вошёл, уже ставила тарелку на стол, за которым до этого сидели Петухов с Коробовым. Устин кивнул, молча стал есть, аккуратно поддевая на вилку рожки.

Нависло тягостное молчание.

Татьяна достала тарелку из кастрюли с горячей водой, стала протирать. Тарелка выскользнула, разбилась. Ляхов ногой отодвинул осколок.

– На счастье.

Татьяна подобрала осколки.

Принесла Устину компот.

– Добавить? – Присела рядом с ним.

– Не за что ему, – с раздражением произнёс Ляхов. – Не заработал твой муженёк. – Он поднялся. – Чо молчишь, Устин? Опять спишь, чо ли?

Устин обхватил мозолистыми ладонями кружку с компотом.

– Иди отдыхай, – сказал он Ляхову. – Иди, не порть людям настроение.

– Я-то пойду. – Ляхов остановился на пороге. – Терпеть не могу молчунов...

Дверь распахнулась, и в столовую вбежал студент. За ним вошёл Лёша.

– Куда прёшь, – Ляхов стал у него на пути. – Ты бы, Правдоискатель, научил будущего инженера культуре, чтоб не налетал на людей.

– Злой ты человек, Ляхов. – Лёша отодвинул его плечом, повернулся к студенту: – Проходи, Анатолий.

И этот тоже, зло подумал Ляхов, и этот чокнутый на Ляхова замахивается.

Он окинул крепкую Лёшину фигуру, плечи, натренированные многолетней работой: нешуточное дело каждую смену ворочать двухсоткилограммовые «свечи».

Выходя, Ляхов поймал напряжённый взгляд Устина. Положив на стол серые от раствора руки, тот глядел ему вслед узкими, словно бойницы, глазами. Ляхов хлопнул дверью, отсекая этот взгляд и стараясь забыть его, понимая, что в таком настроении ему лучше всего сейчас завалиться спать, но ноги сами тянули на буровую, он хотел высказать Коробову всё, что говорил утром Петухову. Стал подниматься на помост, но увидел мастера у лебёдки и передумал, пошёл отсыпаться...

Устин подвинулся, Лёша и Анатолий сели с ним рядом.

– Прихват? – спросил Лёша.

Устин кивнул.

Вошёл Женька, сел за соседний стол.

– Татьяна Львовна, двойную, соответственно комплекции...

– Ляхову тогда четыре порции есть надо, – заметил Лёша. – По комплекции, но не по справедливости...

– Только не философствуй, Лёша, погоди, – поморщился Женька, – аппетит перебьёшь.

Лёша не обиделся. Он ни на кого не обижался. И хотя давно уже вышел из того возраста, когда называют только по имени, гладкое лицо, круглые глаза, выражение доверчивого внимания мешали определить его возраст. Он относился к той категории людей, которые всё делают невпопад, не понимая этого, удивляя наивностью, и к которым, как правило, обращаются либо по имени, либо по прозвищу. Чудачеством выглядела и его неразборчивая отзывчивость. Он вечно ходил к начальнику экспедиции, чтобы похлопотать за кого-нибудь насчёт квартиры, детского садика или талона на дефицитные товары. Сначала его выставляли из кабинетов, потом просто перестали впускать, но это его нисколько не огорчало и желания помочь другим не убавляло. Правда, раскусив, что Лёша не тот таран, которым пробивают двери, многие перестали к нему обращаться, и всё же на каждом отчётно-выборном профсоюзном собрании кто-нибудь из новичков обязательно предлагал его в состав комитета, но при голосовании Лёша никак не попадал в выборные органы и нисколько от этого не расстраивался.

– Татьяна Львовна, компотик двойной. – Женька довольно откинулся. – Вот теперь можно и потрепаться. Как, инженер, а?..

– Спасибо, Татьяна Львовна, – сказал Анатолий.

– На здоровье, Толя, поправляйся.

– О, поправляйся... Жалеют тебя... А через два года станешь мастером или помощником мастера и начнёшь дрова ломать... – не отставал Женька.

– Это ты так считаешь, – вступился Лёша.

– Из опыта исхожу... Ты, студент, у Петуха учишь. У него никаких институтов, семь классов да курилка на курсах повышения квалификации, но он главного инженера за пояс заткнёт.

– Что же он тогда, чуть какая авария, мастера или инженера вызывает?

– Э-э, студент, чему вас только учат... Петух – мужик хитрый, тёртый, битый. Устин, подтверди.

Устин кивнул.

– Петух не дурак шишки получать. Он начальство вызовет, будет советоваться да своё втихаря отстаивать, и так это подаст, что те за своё примут – и, если что не так получится, неожиданности разные, с них спрос...

– А как же совесть?

– Ребёнок. – Женька усмехнулся. – Начальство только так и надо учить. Теория – это блеф, студент, соль – в практике. У нас в зоне мужик сидел, золотые руки. Он тебе что хочешь сделает, ручку, ножичек с пружинкой, часики, игрушку заводную... Между прочим, замки для начальства всякие разные делал, на гаражи, на дачи... Пять классов и три десятка сейфов – вся школа...

– Удивил. Если б он самолёт построил...

– Фантазёр ты, студент...

– А инженеры, между прочим, строят.

– Эти инженеры – не вам чета...

– Толик прав, – сказал Лёша. – И ты, Жень, по-своему прав. Оба... Вот в этом парадокс...

– Кстати, о парадоксах... Совсем забыл, Коробов просил вас поторопить.

– Что же молчал? – Анатолий пошёл к выходу. – Специально? Так Коробову и доложим.

– Давай. Чужое начальство мне что белый медведь айсбергу. Можешь так и передать.

...Обойдя буровую ещё раз и посмотрев, как Коробов с помбурами меняет канат, Петухов вернулся в вагончик. Развернул на столе схему разреза скважины. Вздыхнул: тяжёлая скважина, лет семь таких не было. Взглянул на часы, включил рацию.

– База, база, я ЭР-7. ЭР-7 вызывает базу.

Он отпустил клавишу. После шуршания и свиста в трубке наконец щёлкнуло, и усталым голосом главного инженера Безбородько она сообщила:

– ЭР-7, вы сегодня первые. Давайте с вас и начнём. Чем порадуете?

– Скорее огорчу, Владимир Владимирович. Прихват на три двести сорок два метра.

В трубке стало тихо.

Петухов слышал, как кому-то там, у себя в кабинете, главный инженер говорил скороговоркой: «идии-идии», а может, что-нибудь другое, потому что он слышал только это многократное «и».

– База, – сказал он.

– Слышу я, слышу, – отозвался главный. – Вот так всегда, если с утра хорошее настроение, спешат испортить, плохое – хуже сделать. Ну что ещё скажешь? Мёртво?

– На полметра ходит.

– Давно?

– Часа четыре.

– Спишь там, что ли, мастер?

Главный заводился. Петухов знал, что в таких случаях перечить и обижаться не следует. Переждав, пока тот изольёт душу в крепких выражениях, он врезался в паузу и, не останавливаясь, начал перечислять, что сделано.

– Прихват в смену Ляхова. Пытался вырвать, но ничего не получилось. На канате износ... – Он помолчал, износ был на пятнадцать процентов, и скажи об этом главному, выго-

вором не отделаешься. – Износ семь процентов, нагрузку большую давать нельзя. Меняем канат, готовим раствор и ванну.

– Всё у тебя?

– Всё.

– Ждёшь, пока прилечу?.. Ладно, Петухов, ты без надобности ничего не придумывай, мне вашей самодеятельности и так хватает. Тут вот на пятнадцатой умудрились алмазное долото в скважину упустить, сегодня к ним полечу, а завтра к вам. Только гляди, чтоб без инициативы, сам знаешь, какая у тебя вышка.

– Укрепили же, Владимир Владимирович...

– Ты мне про ходули эти и не напоминай, – закричал Безбородько. – Ты этими спичками комиссии вводи в заблуждение, а я знаю, на что они годны. Понял?.. Запомни, Петухов, вышку завалишь – под суд пойдёшь, всё. Я тебе тянуть запрещаю.

– Понял, Владимир Владимирович. До связи.

– И ещё, – трубка пошипела помехами, потом заговорила усталым голосом главного. – Если там вдруг неожиданно отклеится, ты сразу сообщи, я инженера у рации посажу. До связи.

Хитёр старик, выключая рацию, подумал Петухов. Вроде бы и запретил крепко-накрепко, а и намекнул, что жду, чтобы сами выкрутились.

Он прилёт на кровать, положив ноги в грязных сапогах на ящик, стоящий у рации, закрыл глаза. Полжизни эта ЭР-7 у него забрала. На двухсотом метре – водопрелив бешеный, пять дней задавливали, на девятисотом – поглощение. На полутора тысячах – кварцы. Потом прихваты пошли... Восемь месяцев уже сидят на одном месте. На две девятьсот – газ, ну, думал, всё, кончились мучения. Геофизики забегали, начальство прилетело, превентера проверили, а через полметра всё кончилось. Прибыл спец по нефти из НИИ. Походил, понюхал, будет, говорит, нефть, но на три четыреста. А вышка-то на три тысячи рассчитана, вот и приделали ей ходули, чтобы крепче стояла...

Коробов, конечно, виноват: поменял бы канат, Ляхов рванул посильнее, глядишь, и не было бы прихвата...

Но и Ляхова поддерживать он не хотел. Считай, полжизни люди на буровой проводят, тут все как на ладони, и плохо, когда не ладят друг с другом...

Ничего, пару месяцев осталось потерпеть, уедет Ляхов в Сирию, а он бурильщиком Устина поставит. Давно присматривается. Молчит тот, молчит, а дело знает.

– Товарищ мастер, пошёл! – ворвался в вагончик студент.

– Кто пошёл?

– Инструмент.

– Сменили канат?

– Сменили. Фёдор Васильевич потянул, и он пошёл.

– Хорошо.

Анатолий убежал.

Петухов включил рацию. Подержал в руке трубку, положил на место. Лучше подождать, нежели поспешить – это правило, которое не стоит нарушать. Он вышел из вагончика.

Солнце уже поднялось довольно высоко, небо было чистым, без облачка. Стоял один из последних тёплых дней бабьего лета здесь, на Севере. Воздух был прозрачным, и тайга прозрачной, в ржавых пятнах редких оставшихся листьев, в ней хорошо сейчас охотиться на боровую дичь. Да вот только времени за последний месяц у него совсем не было, хотя охотиться любил и, если не удавалось отвести душу, тосковал и томился этой тоской по охотничьим тропам.

Пока он шёл к буровой, серая от промывочной жидкости колонна труб медленно ползла вверх. Петухов видел, как Лёша Правдоискатель метнул в сторону свечу, и элеватор ухнул

вниз, замерев лишь у самого пола: над лебёдкой поднялось облако дыма. «Спешит Коробов», – подумал он.

Коробов потянул вверх новую свечу, она вибрировала, шла неохотно, и Петухов понял: правило железное – не торопиться... Когда он поднялся на буровую, свеча уже не шла.

– Сколько протащили? – спросил Петухов.

– Метров двадцать пять.

– А давал?

– В полтора раза.

– Сто тридцать тонн... До ста пятидесяти, пожалуй, можно... Гони всех с буровой, – сказал он. – И сам тоже иди...

– Не дури, Петрович, – сказал Коробов, когда возле лебёдки они остались вдвоём. – Я глядел эти подпорки, швы слабые...

– Знаю. Все ушли?

– Да.

– Дизели?

– В норме. За канат ручаюсь.

– А ты на всякий случай не ручайся.

– Иван, сколько мы с тобой аварий перевидали?

– Не задавай пустых вопросов. – Петухов окинул взглядом приборы, включил лебёдку, сжал рукоятку тормоза. – Давай, Федя, скажи мужикам, пусть подальше отойдут, не в цирке. И стань в проёме, чтоб я тебя видел. Глаз не спускай с подпорок, понял? Если что, дай знать.

Коробов пошёл к лестнице.

Петухов прав, думал он, рисковать порой надо, но рисковать имеет право каждый только собой, и нет ничего, что можно было бы противопоставить цене человеческой жизни. Её одной не стоят ни тысячи, ни миллионы рублей, вложенных в эту буровую, на риск нельзя провоцировать, но иногда человеку самому необходимо проверить себя, пойти на риск, очиститься им, и в эту минуту он верит только в успех, в своё бессмертие...

Коробов тоже когда-то рисковал. Было это лет двадцать назад. При монтаже стала заваливаться чуть приподнятая вышка, все бросились врассыпную, а он вскочил в кабину трактора, полез под падающую громадину, натягивая тросы, задержал это падение, которое могло быть последним, что он видел бы в этой жизни. О нём написали в газете, его поздравляли, расспрашивали, что заставило так поступить, тем самым склоняя заглянуть в себя, задуматься, а что же заставило... И оказалось, что ничего из того, о чём часто пишут. Он не думал о людях, которые могут погибнуть, не думал о тысячах рублей, выброшенных на ветер, не думал о том, что пропадёт вложенный в буровую труд многих людей. Просто показалось, что если рвануть трактор, то вышка не упадёт, это было как в азартной игре, и это толкнуло его в кабину...

– Отойдём подальше, – сказал он Анатолию и Лёше Правдоискателю.

– Фёдор Васильевич, это опасно? – Студент смотрел на него, не ожидая никакого ответа, кроме одного, и, чуть улыбнувшись, Коробов кивнул.

Он поднялся на помост, где лежали запасные свечи, встал так, чтобы его видел Петухов, поднял руку, показывая, что готов, и стал смотреть на одну ногу, ту, где шов, соединяющий её и подпорку, порвался.

Петухов включил лебёдку, но дизели не взвыли, и Коробов понял, что мастер попытается погонять инструмент по скважине, раскачать его, прежде чем тянуть.

Элеватор пошёл вверх, потом вниз, снова вверх. Он напоминал огромный неповоротливый челнок, с каждым разом вытягивающий серую от стекающего раствора колонну труб на несколько сантиметров больше, потом вдруг наткнулся на что-то и задрожал. Коробов, забыв о вышке, отметил: элеватор разорвал неяркое осеннее солнце, превратив его в два раскалённых слитка, и тут взвыли дизели; он опустил глаза, но в них плыли тёмные круги, и ничего не

было видно. Коробов испугался, потому что сейчас невольно мог стать убийцей. Он испугался и собрался закричать, предупредить остальных, но тут чернота рассеялась, и он увидел дрожащую металлическую колонну. Петухов держал рукоятку тормоза вверх, и Коробов знал, что сейчас всё, с самого верха, с крон-балки, до самого низа, до того места, где земля всасывает в себя металл, пронизано невообразимым напряжением, всё вытягивается, болезненно стонет, рвётся...

Он взглянул вверх – колонна ползла, но порадоваться не успел, потому что в следующее мгновение увидел, как медленно стала выгибаться подпорка, и вскинул руки. Тут же завизжали тормоза, исчезла в дыму фигура Петухова, дизели стихли.

Он поднялся на буровую.

Петухов сидел на перевёрнутом ведре из-под графитной смазки и мял в руках папиросу, не замечая, что несколько изломанных папирос уже лежат на полу, наконец поломал и эту, выругался. Коробов достал «беломорину», прикурил и отдал Петухову.

– Тяжело... – хрипло сказал мастер. – С непривычки рычаг как двухпудовка.

Замолчал.

Коробов тоже закурил и почувствовал, что напряжение Петухова передалось и ему. Мелкой дрожью оно осело где-то внутри. Он глотал горький дым в надежде, что этим избавится от дрожи.

– Пошла? – тихо спросил Анатолий, не спуская глаз с Петухова, и Правдоискатель, закончивший осмотр буровой, ни к кому не обращаясь, произнёс:

– Однако, Петрович, тонн сто шестьдесят выжал...

– Сто пятьдесят восемь, – отозвался Петухов, поднимаясь. – Будем делать ванну. Пошли, Федя, посмотрим, что там у тебя...

Подпорка выгнулась, отошла от ноги на несколько сантиметров, и Петухов с тоской подумал, что опять надо будет говорить с базой, просить трубу, сварщика – и всё это надо делать сегодня, и теперь уже не обойтись без длинного разноса.

– В печёнках у меня эта седьмая, – не выдержал он. – Когда ещё площадку делали, чувствовал, что-то не то, чертовщина здесь какая-то.

– А ты не сообщай на базу, – сказал Коробов. – Я видел трубу подходящего диаметра у тебя возле конторы, а сварить я могу, всё-таки пятый разряд.

Петухов помолчал, потом согласился:

– Давай так и сделаем, ругани ещё впереди с лихвой хватит.

6 сентября. Ночь

Ляхов заступил на смену в отвратительном настроении. От Татьяны он узнал, что днём Коробов протащил инструмент, пытался ликвидировать аварию и Петухов, но ничего не получилось, так что теперь без аварийных работ никак не обойтись. И тут он закусил удила. Если бы попытки закончились удачей, победителей он бы судить не осмелился, но теперь выходило, что ему придётся вкалывать, а Коробов только и сделал, что заменил канат да усугубил прихват. Эта очевидная несправедливость бесила его. Кроме того, после дневного сна голова была тяжёлой, тело вялым, так бывало всегда, но когда шла работа на метры, на ощутимый результат, прогрессивку, Ляхов этого не замечал. Устин ушёл принимать смену, а он всё сидел за столом, опустив голову на руки, и не мог справиться с охватившей его ненавистью к Коробову. Очнулся от прикосновения горячей руки Татьяны.

– Ну что ты раскис, – тихо сказала она и погладила его по голове.

От этой руки и голоса Ляхову вдруг стало жалко себя, впору расплакаться и уткнуться в пахнущую жаром печи женскую грудь, но он удержался. Встал, обхватил Татьяну за плечи, впился губами в её губы и долго не отпускал.

– Не надо, – наконец вырвалась она. – Устин и так что-то подозревает.

– Чёрт с ним, с твоим Устином, – как можно ласковее произнёс он. – Два года, а потом всё будет по-новому, всё, понимаешь... Уедем подальше, где никто нас не знает...

– Ладно, ладно, – грустно улыбнулась Татьяна. На щеках у неё появились ямочки, делавшие её похожей на девочку-десятиклассницу.

Ляхов почувствовал прилив нежности.

– За что это Устину такое богатство? – подумал он вслух.

– Не надо... Не говори о нём плохо.

– Да он у меня уже знаешь где?... Не могу рядом с тобой его видеть, понимаешь, не могу!

– Он не виноват.

– Оставим этот разговор, – чувствуя, как опять возвращается злость, сказал Ляхов. – Пошёл я...

– Иди.

Поднявшись на буровую, Ляхов был неприятно удивлён: Коробов не только заменил канат, но и успел вычистить все ёмкости. Но винить себя за давешние мысли он не стал, увидя в этом негласный вызов ему, Ляхову.

Устина и Женьку он нашёл под навесом, где лежали мешки с солью, каустической содой для промывочной жидкости. Женька, забравшись на верхний ряд, дремал. Устин сидел внизу, привалившись спиной к мешкам, и, закрыв глаза, о чём-то думал.

– Лежишь? – Ляхов толкнул Женьку. – Не належался за день... Работать надо.

– Мы уж вроде начали, да бурилы всё нет и нет, затосковали без его командирского голоса, как кавалерийские кони...

Ляхов выжал из мужиков всё, сам вымотался до предела, но через четыре часа ванны были заполнены. Петухов, в очередной раз поднявшийся на буровую, только хмыкнул:

– Опасный ты человек, Ляхов, – то ли с неодобрением, то ли с завистью сказал он. – Когда захочешь, чёрт-те что можешь сделать...

– А ты не знаешь?.. Между прочим, я у тебя уже четвёртый год работаю.

– Знать-то знаю, да вот привыкнуть никак не могу.

– К тому, как я работаю?

– К тебе... Поужинайте, и пусть мужики отдохнут. Потом, пока светло, подчисти в тёмных углах, завтра начальство приезжает, а Коробов ночью, где посветлее, марафет наведёт. И подёрживай иногда, вдруг отлипнет, только не лихачь, видел ногу?

– Коробов варил?

– А что?

– Тогда не буду, жить хочу.

– Ну и договорились.

...После ужина Ляхов полчаса подёргал инструмент, но прихват был жёсткий, трубы поднимались сантиметров на двадцать, и, потеряв всякую надежду вырвать колонну, опасаясь тянуть посильнее – не веря ни в вышку, ни в канат, ни во всю эту железную оснастку – Ляхов подозвал Устина.

– Верховой где?

– Наверху был.

– Чо его на крыши тянет, вроде осень, не весна. – Попытался пошутить Ляхов. – Нечего ему там прохлаждаться, зови вниз и по очереди погоняйте, а я к мастеру схожу.

Устин покричал Женьку, но тот не отзывался, и Ляхов, уже спустившийся с буровой, полез наверх сам.

Женька спал, завернувшись в телогрейку.

Ляхов ткнул его сапогом, закипая злобой к человеку, которого он не смел тронуть, и не только не смел – боялся, а это было унижительно для него, Ляхова.

Женька вскочил на ноги, словно и не спал, полоснул Ляхова злым взглядом, но Ляхов уже не мог сдержаться, рванул его за плечо, пригнул к настилу.

– Ты, – задыхаясь от ненависти, прошипел он, – ты, сопляк... Думаешь, забыл я, как тогда на тропе, думаешь, простил...

Он гнул Женьку всё ниже и ниже, чувствуя, как тот сопротивляется, и испытывая удовольствие от того, как это непокорное тело всё же подчиняется ему; он мог сделать сейчас с ним всё, что угодно, и сделал, если бы не увидел потемневшие глаза верхового и не прочитал в них силу, которую он не мог преодолеть. Руки вдруг ослабли. Он выпрямился, пошёл к лестнице, слыша тихий Женькин голос:

– Запомни, бурила, не жить нам с тобой на одной земле. Запомни...

Хотел вернуться и выбить из Женьки то, что он сказал, но не чувствовал в своём теле давешней силы, она ушла куда-то, растворилась, стекла по металлическим трубам в землю. Ляхов засмеялся, тонко, затаённо, удивляясь своему смеху, и не в силах его сдержать.

Он прошёл мимо Устина, потом мимо конторы мастера, столовой, направляясь к стоящему на отшибе вагончику, где жили поварахи, заезжавшие на буровую корректоры да геофизички.

Стоя на верхней площадке лестничного марша, Женька смотрел ему вслед, всё ещё продолжая что-то шептать побелевшими губами, без слёз плача от унижения, от своего бессилия, одиночества, ненавидя тот час, когда согласился пойти в вахту Ляхова, и понимая, что теперь уже нет выбора и он ничего не в состоянии остановить: будет так, как будет. Он видел, как Ляхов исчез в дверях вагончика, и, кусая губы, стал спускаться вниз.

Стоящий у лебедки Устин окликнул его:

– Что вы там опять, значит, не поладили?

– Да так, поговорили... – отозвался он.

– Дерьмо, а не человек, – бросил Устин, и Женька понял, о ком это сказано, ему стало немного легче. – Иди погуляй часок, я постою, потом сменишь...

...Перед самым концом смены Ляхов зашёл к Петухову.

Мастер сидел за столом, наклонив настольную лампу так, чтобы яркий круг света падал на схему разреза скважины, разложенную на столе.

– Что тебе? – недружелюбно спросил он.

– Да я ненадолго, не помешаю, – непривычно тихим голосом произнёс Ляхов. – Так что потерпи немного.

– Не крути, – поморщился Петухов. – По делу?

– Поговорить с тобой хочу, мастер. Начистоту.

– Давай.

– Не то у меня на душе, надо поговорить, – будто не слыша, продолжал Ляхов. – Решил вот с тобой без свидетелей...

– Короче можешь?

– А короче не надо, – обиделся тот. – Или слушать не хочешь?.. Но я всё равно скажу. Всё скажу. Принципиальный ты, конечно, мужик, я это понял. Хотел тебя в друзья-товарищи взять, а ты всё, как налим, ускользаешь. Будто ничего не понимаешь... А всё ты понимал, всё... Даже молчал, если выгодно было и с меня же кое-что имел, правда?..

– Что ты несёшь?

– Уеду я скоро, вот и решил всё сказать, больше ведь никто не осмелится, особенно Коробов, дружок твой, а я скажу, все твои махинации у меня вот где, – он постучал по лбу. – А память у меня – не жалуясь... Обижал я многих, грубый, невыдержанный – знаю, но не просто так, мастер, людей я не люблю, непросто. И твоя принципиальность чего стоит?.. Слышал, ты

собираешься бумагу на меня накатать, чтобы за границу не выпустили? Не делай этого, мастер, давай по-доброму разойдёмся...

– По-доброму? – Петухов повернул плафон лампы так, чтобы видеть лицо Ляхова. – Доброты чужой захотелось тебе, Ляхов, вот оно что... Доброты... А ты сам был когда-нибудь добрым?

– Идейного из себя не строй. – Ляхов отвернул плафон. – Я тебя как облупленного знаю. И как ловчишь, начальство вокруг пальца водишь, знаю, и как с метрами крутишь...

– Уходи, – выпрямился Петухов. – Думал, в тебе хоть мало-мальски человеческого осталось, да, видно, одно дерьмо...

– Не оскорбляй, мастер, у меня ведь память хорошая... На этот раз прощаю. – Ляхов сжал зубы.

Петухов наклонился к нему.

– А ты не пугай, пугали меня, Ляхов. Жалею только, что метры перетаскивал из разных месяцев, жалею, потому что и ты ведь премию получал, и ты благодаря этому в передовики выбился... А теперь иди...

– Не пиши, мастер, так будет лучше и для меня, и для тебя... А чтобы не напоминать о себе, утром я уеду на попутном лесовозе в посёлок, скажешь завтра начальству, что, дескать, заболел. И больше на буровую не выйду, у меня отпуск за два года не использован, вот и возьму, погуляю перед заграницей. Договорились, мастер?

Ляхов постоял, ожидая ответа, но Петухов наклонился над разрезом. Он потоптался и вышел.

6 сентября. Ночь

Смену Коробов принял у Устина. Отсутствие Ляхова его несколько не удивило: и прежде случалось, что тот уходил раньше, оставляя помбуров управляться одних. Не любил Ляхов буровую, не любил то, что так нравилось Коробову: равномерный говор дизелей, запах промывочной жидкости, ручейком бегущей по желобам, ночную стылость металла, гул медленно вгрызающегося далеко внизу в забое долота и одиночество у рычага лебёдки, когда шло бурение. В такие часы Коробов отправлял мужиков с буровой, а если отдавал рычаг, то с жалостью. Ляхов же сам уходил в вагончик, и бурил в основном Устин. «Мужское дело – подъём-спуск, – говорил Ляхов. – Тут мастерство своё и показывай, а на забое стоять любой сможет». Может, от этой нелюбви, если выпадало ему бурить, и проходка была значительно ниже, чем у Устина, не просто это – чувствовать далёкий забой. Порой Коробову казалось, что, не будь у Ляхова такого помощника, не было бы и сверхплановых метров проходки, не было бы и премий...

Погоняв инструмент, он выключил лебёдку, помог Анатолию и Лёше убрать буровую, отправил их в дизельную, где сейчас было тепло и нешумно. Оставшись один, обтёр кожухи, ополоснул металлический пол у ротора, обошёл ванны с промывочной жидкостью. Вроде всё было в порядке. Зашёл в дизельную, постоял возле дремлющих в тепле мужиков. Потом толкнул Лёшу.

– Хватит клевать, идите поспите в вагончике... Идите, идите, всё одно делать нечего.

– Приказано – исполняй, – поднялся Лёша и позвал студента. – Пошли, Толя, спать.

Пока шли до вагончика, сон пропал.

Ночь была звёздная, со слабым осенним морозцем, похрустывающей под сапогами подмёрзшей грязью, пахнувшая арбузом, и, не доходя до вагончика, Лёша свернул в сторону, поднялся по подъездному пути к дороге, разбитой лесовозами, возившими хлысты с делянок леспромхоза, присел на ствол корявой березы. Подошёл Анатолий, сел рядом.

– Замёрз? – спросил Лёша.

– Нет.

– Спать хочешь?

– Уже не хочу.

– Тогда посидим, я люблю ночь слушать. Только на буровой не слышно ничего, а тут – пожалуйста...

Анатолий прислушался. Скоро тишина и вправду наполнилась звуками. Где-то далеко шла машина, и её гул, плутая по распадкам, то усиливался, то исчезал совсем. Иногда щёлкал ледок под чьими-то осторожными шагами, а может, от крепнущего морозца. Посвистывал, путаясь в ветвях, ночной ветерок.

– Слышишь? – вдруг прошептал Лёша. – Сохатый пошёл...

Анатолий ничего не слышал.

– Да как же, валежины трещали... – В Лёшином голосе прозвенело удивление.

– А может, кто другой? – виновато спросил студент.

– Нет, сохатый... Шаг уверенный. – Лёша подумал. – А может, кто другой... Интересно, мы здесь сидим, а вокруг всё живёт своей жизнью...

Анатолий вздохнул.

Он думал о другом.

О последнем вечере в посёлке перед очередной заездкой на вахту, когда выпал первый в этом году снег и они с Любой гуляли в белой ночи. Казалось, что и не ночь вовсе, так много высыпало на улицы людей: они играли в снежки, лепили снеговиков... А они с Любой целовались...

Анатолий снова и снова вспоминал полуоткрытые ожидающие губы, искорки снежинок на русых волосах, глаза, любящие, ждущие и вновь переживал то, что чувствовал тогда.

В ту ночь и сейчас он любил её, Любу.

Но тем не менее каждую неделю продолжал писать и получал письма из города, начинавшиеся словами: «Милый мой...»

И не мог разобраться в себе самом.

Не мог понять, где же настоящая любовь.

– Ты не заснул? – прервал его мысли Лёша.

– Нет, я слушаю.

– А я маму вспомнил... Мы ведь без отца выросли, считай... Двенадцать нас было, я старший. Батя в леспромхозе работал. Когда Санька, двенадцатый, родился, лесиной отца прибило. Я семь классов закончил и пошёл работать, сначала на базу слесарем, потом на буровую... Деревня наша маленькая, среди тайги стоит, вот я и считал, что все люди одинаковые. Думают одинаково, говорят одинаково, живут одинаково. Долго верил в это. А на буровую пришёл, и оказалось, что всё не так. Первый мастер, Жуков был такой, меня своей правде учил: ты, говорит, живи для себя и на всех чихай. Без рубля – пальцем не пошевели, цени свой труд! Уважать будут тогда больше... Женился, жинка с тещей по-своему учить стали, чтоб дом – полная чаша... Чувствую, запутался вконец, стал газеты читать, самообразовываться, общую правду выискивать. Но газеты одно, с ними не поспоришь. Ты вот грамотный, поэтому мне с тобой поговорить приятно, только, наверное, и ты про меня думаешь разное. Коробов вот умный человек, а тоже... Странный ты, говорит, Алексей, скоро сорок, а всё чего-то ищешь. А я так понимаю, если человек перестаёт искать, так он уже и не человек... Я в газету писал, ответ получил, длинно пишут, сложно, одно понял – правда у нас одна. А я другое вижу...

– Наверное, ты не совсем понял, что тебе написали, – боясь обидеть, осторожно сказал Анатолий.

– Может быть... Грамотёшки-то у меня... Я ведь в школе плохо учился... Ночь-то какая... А только по-разному мы с тобой её слышим... Парадокс...

– Иначе и быть не может... Я – это я, у меня свои мысли, ощущения, у тебя – свои. К тому же надо прежде в терминах определиться, что ты имеешь в виду под понятием «правда»?

– Я понимаю, ты не думай. Хоть и учился мало, а читал много. И про истину, и про индивидуальность. Больше в газетах, конечно. Только иногда путаться начинаю. Помню, читал, хвалили тех, кто тайгу корчует, а теперь вот ругают. Или раньше хорошо писали о начальниках, которые в трудные моменты вместе с рабочими были, пример показывали. Потом тех хвалили, которые в кабинете сидят. Может, через десять лет и мне скажут: не так, не по правде ты жил, Алексей, не о том думал, не так делал...

– Брось ты, Лёша, никто так не скажет, о тебе ведь в газетах не пишут, – улыбнулся Анатолий. – Ну а ругать нас за наши дела, может, и будут. Новое время – новые проблемы...

– И нашу жизнь, выходит, перечеркнут... Как мы – дела тех, кто до нас тайгу покорял?

– Никто не перечёркивает их дела. Мы просто говорим, что теперь этого не нужно делать. А тогда это было правильно.

– Тогда правильно, сейчас неправильно, запутал ты меня... Я хочу, чтобы всегда ясность была. Чтобы всегда правильно всё делать...

Лёша замолчал.

Анатолий хотел что-то сказать, но тут далеко в ночи послышался то ли крик, то ли плач.

– Что это? – шёпотом спросил он.

– Птица, наверное. – Лёша встал. – Филин. А то заяц... Может, спать пойдём?

– Расхотелось уже, погреться лучше.

– Тогда на буровую.

До буровой дошли, думая каждый о своём.

Лёша – о сыне, которого, если бы тот был, он очень любил и с которым можно было бы поговорить, поделиться своими мыслями, сомнениями...

Анатолий поёживался, не в силах забыть странный крик и думая о леших и всякой нечисти, которой, конечно нет, но которая вполне может и быть под этим небом, как живёт под ним всё остальное...

Коробов удивился их приходу, но ничего не сказал.

Они сели в дизельной на лавку возле стены, блаженствуя в тепле, лениво разговаривая и незаметно проваливаясь в сон и возвращаясь обратно...

...Под утро заглянул на буровую Устин. Был он в рабочей одежде. Пожаловался на бессонницу, оттого и пришёл так рано, присел рядом с Коробовым.

Прислушался к разговору.

Говорил Лёша.

– Книжки взять, к примеру... Которые в прошлом веке написаны были. Умные герои в этих книжках. О чём только не разговаривают. Порой даже обидно станет: жили раньше, а говорили лучше. Выходит, прогресс никак на мне не сказан?.. С жинкой начну беседовать на всякие такие темы, например, почему религия опиум для народа или как будут люди в двухтысячном году жить, а она отмахивается. Женщина, говорю, что же это получается, сто лет прошло, а где твоя высокая ступень культуры по сравнению с Анной Карениной?

Мужики засмеялись.

– А она что? – спросил Коробов.

– А она, ясное дело, возьму сковороду, говорит, да опущу тебе на голову, чтобы спать не мешал. Ты, говорит, только меня знаешь, а Анну Каренину и в глаза не знал, мало ли что понапишут в книжках, а насчёт её любви, так я и почище могу.

– Не баба у тебя, а бритва опасная.

– Я ведь понимаю насчёт женского ума. Он как был ограничен природными факторами, так и остался. Баба только в молодости вперёд бежать хочет, а потом к месту прирастает.

– Не скажи, – вмешался Устин, – не всякая баба.

– По своей сужу. – Лёша вздохнул. – Конечно, грамотёшки мне не хватает, а может даже, не столь знаний, в газетах обо всём пишут, а системы... Вот мозг – безграничный ряд ячеек...

как соты, и в каждую что-нибудь откладывается. Отложится и лежит, пока не потревожишь, пока импульс не подашь. Так вот, я понимаю, если, к примеру, в мой мозг подать этот самый импульс, во мне такие знания поднимутся...

– Информация. – Анатолий зевнул. – Информация, Лёша, у тебя в ячейках, а это только основа для знаний, которые, в свою очередь, только база для рождения собственной мысли...

– Видишь, что образование значит, – после паузы произнёс Лёша. – Всё по полочкам... и понятно стало.

– Ни черта тебе не понятно, – засмеялся Коробов. – Что ты всё время чужой жизнью жить пытаешься – живи своей. Своими мыслями, своей головой. То правду ищешь, то систему какую-то...

– Газеты, Васильич, читаю, а там пишут, что жизнь – это вечный поиск.

– Мало ли чего там понапишут.

– А про счастье что пишут? – неожиданно спросил Устин.

– Про счастье?.. Что-то не помню. Да я и сам знаю.

– Что же?

Лёша оглядел мужиков, стараясь понять, смеются они или всерьёз спрашивают, и, решив, что всерьёз, ответил:

– Я по-простому понимаю, счастье – это и есть жизнь.

– Силён ты, – после паузы сказал Коробов. – Ну, прямо философ. А ты, Устин, как считаешь?

Устин растерянно взглянул на Коробова, поднялся:

– Спать хочется. Пойду посплю, вот и счастлив буду...

– Квельый он, – сказал Лёша, когда Устин ушёл. – Совсем молчуном стал.

– С женой у них неладно. – Коробов примял сапогом окуроч, тоже поднялся. – Погоняю ещё, рассветёт скоро. А вы по свету вокруг буровой пройдите, лишний мусор с глаз долой, начальство сегодня будет...

6 сентября. День

Начальство прилетело раньше, чем ожидал Петухов. Сквозь сон он услышал шум вертолёта и, на ходу одеваясь, выскочил из вагончика.

Солнце ещё только-только показалось над верхушками деревьев, высветив половину вышки. На буровой, запрокинув голову, стоял Коробов и глядел на делающий круг вертолёт.

Тот прострекотал над деревьями и исчез; площадка была отсыпана в стороне, рядом с дорогой.

Петухов заскочил в столовую, мельком отметил заплаканное лицо поварахи, поморщился, но разговаривать было некогда, и он только бросил:

– Татьяна, ты бы себя в порядок привела. И сделай порций пять лишних.

Та кивнула, склонилась над плитой.

...Вместе с главным инженером прилетел мастер по аварийным работам Тихонов. Усмехнувшись над этой страстью Безбородько перестраховываться, Петухов поздоровался, подолгу задерживая ладони, чтобы сразу почувствовать, с каким настроением прибыло начальство и как лучше поступить, чтобы его не прогневить. Судя по насупленным выражениям лиц, с неприятностями лучше было выждать, и Петухов повёл всех в столовую.

Завтракала вахта Ляхова.

Женька и Устин ели молча, а Цыганок гремел ложкой и сопел от удовольствия: на завтрак был плов, который он любил.

Безбородько и Тихонов сели за столик в углу.

Петухов принёс наполненные с верхом тарелки.

– Как в санатории живёшь, – поворачивая ложкой дымящийся плов, сказал Безбородько. – Ешь хорошо, а метры не даёшь.

– Метры будут, – буркнул Петухов, пристраивая табурет рядом. – Своё наверстаем.

– Ну-ну... А где Ляхов, что-то я не вижу, его же вахта?

– Ляхов? – Мастер оглянулся, выразительно посмотрел на Устина: он не любил, когда рабочие видят, как начальство его допекает.

Устин поднялся, поставил тарелку, вышел, подталкивая впереди себя Женьку и недовольного Цыганка.

Татьяна Львовна вышла следом.

– А плов, мастер, отменный, поварила у тебя хорошая... Чего ты её выпроводил?

– По делам пошла.

– Так где, ты сказал, Ляхов? Спит?.. А ты сейчас выгораживать его станешь.

– Чего мне выгораживать. – Петухов помедлил. – Отпустил я его.

– Куда?

– В посёлок.

– Ты что это своевольничаешь? – Безбородько положил ложку. – Ты что?.. На буровой авария, а он, понимаете ли, бурильщика отпускает!

Хотел закончить длинной тирадой о безответственности и её последствиях, но плов сделал своё дело, желания длинно говорить не было, и он обошёлся одной фразой:

– Сам встанешь к лебёдке... Давай, что там есть погорячее, раз хозяйку выслал.

«Пронесло, – подумал Петухов, разливая по кружкам крепкий чай. – Одно пронесло, теперь подпорка. Но о ней пока говорить нельзя».

После завтрака пошли на буровую. Главный инженер делал мелкие замечания, интересовался больше внешним видом, а Тихонов сразу отошёл, и как Петухов ни крутил головой, так и не смог уследить за ним. Это его обеспокоило, он знал Тихонова давно. Старший сын Петухова и дочь Тихонова учились в одном классе. Петухов знал, что за двадцать лет работы мастер по ликвидации аварий научился видеть не только всё на поверхности, но и, как шутили буровики, на пятьсот метров в глубину. Если Безбородько можно было показать, что выгодно, то Тихонов с провожатыми никогда не ходил и видел всегда гораздо больше.

Испортит обедню, тосковал в душе Петухов, стараясь подгадать минуту, когда можно будет самому рассказать о прогнувшейся подпорке, но такой минуты всё не выпадало. Тихонов попросил потянуть на сто тридцать тонн. Увидев, как вибрирует инструмент, главный инженер совсем расстроился, и Петухов понял, что день этот ничем хорошим не кончится.

– Ну, мастер, пойдём к тебе, покумекаем, что делать...

Было время связи, и Безбородько сел за рацию.

Дежурного инженера он заставил пересказать, как обстоят дела на других буровых, накричал на всех сразу и послал к праотцам вертолётчиков, которые никак не могут завезти долота на самую отдалённую буровую и та уже третий день простаивает.

Когда, наконец, главный инженер положил трубку, Тихонов уже исписал расчётами пару листов большого знаменитого блокнота, в котором, по слухам, были описаны все аварии, случившиеся за двадцать лет.

– Эх, продашь ты нас когда-нибудь, Станислав Иванович, с потрохами, – дежурно пошутил главный инженер, с явной опаской кивая на этот блокнот. – Ну, с кого начнём, с мастера?

– Пожалуй, лучше я начну, – предложил Тихонов. – А Иван Петрович поправит, если в чём ошибусь.

Петухов бросил на Тихонова быстрый взгляд, который должен был означать одно: хитёр ты, брат. «Что поделаешь, – прочитал он в ответ. – Одному тебе с Безбородько не справиться, а он рисковать не любит». Заметил, догадался Петухов, вот чёрт лысый, всё заметил.

– Давайте, Станислав Иванович, – разрешил главный.

– Прихват большой, жёсткий, на пуп не возьмишь. Вот здесь, – он развернул схему разреза и ткнул карандашом, – доломитовая линза. Мощность её невелика, но, если она обвалилась, инструмент мы не поднимем... Надо пробовать нефтяную ванну. Не поможет – кислотную. Потом поднять инструмент, техническую колонну цементировать и бурить новый ствол.

– А ванны не помогут?.. – Безбородько повернулся к Петухову. – Будем отрывать, деньги выбрасывать... – Главный инженер встал, заходил по вагончику, натываясь то на стол, то на ящик, то на кровать. – Чёрт, что у тебя тут за ящики, – выругался он. – Как в сарае, а не в жилом помещении... Или забуриться не сможем новым стволом – и скважину закрывай, выбрасывай миллион...

Последние слова никому не адресовывались. Они повторялись на каждой буровой, где случалась авария.

– Чего молчишь, мастер? Тебе вопрос, твоя скважина, ты допустил до аварии...

– До аварии не допускают, Владимир Владимирович, сами знаете, от нас не зависит то, что произошло, – тихо сказал Петухов, подумав, что о канате с дефектом он и не заикнётся.

– Зависит! На буровой всё от мастера зависит, – не терпящим возражений тоном отрубил Безбородько. – Да, Станислав Иванович, что-то ты умолчал о реальных шансах вырвать инструмент?

– Я говорил, Владимир Владимирович, прихват жёсткий, и к тому же, – Тихонов посмотрел в сторону насторожившегося Петухова, извиняюще развёл руками: надо, мол, куда денешься, – не знаю, когда Петрович заметил, но решение он принял правильное, укрепил прогнувшуюся подпорку. Метров на сто её ещё хватит, а там надо будет что-то решать.

– Какую подпорку? – круто повернулся Безбородько. – Почему не доложил?

– Не успел, Владимир Владимирович. Днём вчера перед прихватом обходил буровую, ну и заметил, что прогнулась... Труба подходящая была, Коробов приварил, а доложить не успел, забегался, сами понимаете...

– Я понимаю... Да я понимать ничего не хочу! – закричал Безбородько. – Ну, погоди, разделаемся с аварией, за всё у меня ответишь.

Выкарабкаешься из неё благополучно – сойдёт, а не выкарабкаешься – всё припомню... Так понял эту фразу Петухов.

Он согласно кивнул.

– Станислав Иванович, сколько ты там нефти насчитал на ванны?

– Кубов десять.

– Есть у вас? – сердито спросил главный инженер Петухова.

– Найдётся.

– Так чего стоишь? Давай, командуй, ты же мастер здесь...

Оставшись вдвоём с Тихоновым, Безбородько ещё раз посмотрел схему разреза, провёл ладонью по красному одутловатому лицу, вздохнул:

– Ну и подарочек сделал Петухов, – пожаловался он. – Лучший мастер, можно сказать, и словно подменили на этой седьмой. С подпоркой явно что-то темнит, бурильщика отпустил, когда в каждой вахте людей не хватает... Как думаешь, Станислав Иванович, спасём скважину?

– Гадать не умею, Владимир Владимирович. Хотелось бы, всё-таки за три тысячи ушли.

– С дочкой поладили? – перевёл разговор Безбородько, зная, что шестнадцатилетняя дочь Тихонова собралась замуж за студента-практиканта. И, не дождавсь ответа, сказал: – Дети сейчас взрослее нас, палец в рот не клади. Ума нет, а всё по-своему норвят... Ничего, образуется, я с этим донжуаном как следует поговорил... Тут вот тоже практикант – с дочкой мастера Сорокина гуляет, а ему чуть не каждый день от городской крали письма приходят. И она знает, а всё-таки ходит... Да «ходит» – не то слово, прилипла... Никакой гордости...

– Влюбилась, наверное, – провёл ладонью по лысине Тихонов.

– Влюбилась... Так меня ведь просят и тут вмешаться... На пенсию спокойно не уйдёшь... Загубим скважину, такой почёт мне будет, такие проводы, помереть захочется, – поделился своими опасениями Безбородько.

Он ждал, что Тихонов успокоит его, пожалеет, но тот молчал, и Безбородько сказал:

– Пошли, посмотрим, как там дела...

Вечером главный инженер опять вышел на связь с базой. Сказывалась многолетняя привычка быть постоянно в курсе всех дел, и даже сейчас он не хотел воспользоваться коротенькой передышкой, отдохнуть от неурядиц, нерешённых вопросов. Он уставал, жаловался, порой ненавидел свою работу, но привычка неизменно брала верх, она была как болезнь и как лекарство одновременно.

Не услышав никаких радостных новостей, Безбородько отругал начальника производственного отдела и приказал срочно выслать на буровую машины-цементаторы. Всё было готово для аварийных работ. Закачанная в скважину нефть должна была просочиться между трубами и породой, смазать, разжать каменные тиски. Должна, но могла и не справиться с этим, и Тихонов по рации отдал распоряжение приготовить кислоту и утром отправить. В свою смену Коробов подготовил для цементаторов площадку, сделал настил, чтобы удобнее было подносить цемент.

Ночью Безбородько разрешил заступившей вахте Ляхова спать: если придётся цементировать, работы хватит на всех, остался дежурить только Цыганок, он первым и встретил прибывшие из посёлка цементаторы. Разбудил Петухова, а вместе с ним и начальство. Тихонов заснул только под утро, всё не шла из головы дочь с её любовью... Хотя какая любовь в шестнадцать лет?.. А Джульетта?.. Классику Тихонов помнил, но одно дело – Джульетта, совсем другое – его Верка... Он не выспался, был раздражён.

Безбородько проснулся в распрекрасном настроении, но стоило ему увидеть застывшую в непривычной неподвижности буровую, как настроение испортилось. Не выправил его даже вкусный завтрак.

У Петухова настроение и не могло быть хорошим, поэтому все трое появились на буровой мрачнее тучи.

Пока Петухов и главный инженер расставляли цементаторы, Тихонов спустился к устью скважины, зачерпнул в ладони немного промывочной жидкости, понюхал, что-то ему не понравилось, и он стал ещё угрюмее.

«С таким настроением только покойника хоронят», – глядя на них, подумал Коробов, сжимая в нетерпении рукоятку тормоза лебёдки.

– Начнём? – не выдержал он, и Безбородько посмотрел на него так, что пропало желание разряжать обстановку.

– Не обращай внимания, – успокоил его Лёша. – Начальство всегда пасмурное, это так заведено. Плохо что-нибудь – пасмурное, хорошо – чуть посветлее, но всё равно с облачностью.

Студент улыбнулся.

– И я таким буду?

– А то как же, – не сомневаясь, сказал Лёша. – Как только станешь начальником, сразу и маску наденешь соответствующую. Я книжку такую читал, «Социальная психология», там написано, что на каждом месте своя маска. Человек пришёл на работу – вроде надел её на лицо, пошёл в кино – другую, домой – третью...

– Готовы?! – крикнул Безбородько. – Хватит болтать!

Коробов включил лебёдку, насосы, посмотрел на стоящего рядом Тихонова. Тот покачал головой: не спеша, нагнул над отверстием в полу, что-то высматривая в вытекающей из скважины промывочной жидкости с маслянистыми пятнами нефти, потом махнул рукой, и

Коробов отпустил тормоз. Дизели загрохотали, стрелка побежала по диску, отбивая всё новые и новые деления и приближаясь к предельной, выступающей среди других, чёрточке.

«Надо было всех увести с буровой», – запоздало подумал Коробов. Бросил взгляд на стоящих неподалёку Петухова и Безбородько, а за ними всё время видел большие глаза Анатолия и спокойное лицо Лёши-Правдоискателя.

Стрелка вплотную подошла к черте, а инструмент всё так же стоял неподвижно.

– Выключай! – прокричал на ухо Тихонов.

Коробов выключил лебёдку.

Стало тихо.

Упала вниз стрелка.

Он хотел повернуться, спросить, что делать, понимая, что надо пытаться ещё, не медлить, но Тихонов опередил его:

– Давай, быстро!

Снова взревели дизели, и теперь стрелка ещё быстрее добежала до предельной черты, до ста пятидесяти тонн, которые ещё могла выдержать погнутая и наскоро приваренная им ещё одна подпорка. Может быть, не хватало одной-единственной чёрточки, так заманчиво было переступить порожек, понадеяться, рискнуть, поддаться азарту, но этого нельзя было делать, и Коробов знал, что именно об этом сейчас думает каждый из стоящих на буровой.

– Пошла, – услышал он тихий голос Тихонова и в следующее мгновение увидел, как линия, проведённая графитной смазкой на трубе, медленно, миллиметрами, поползла вверх, вытаскивая трёхкилометровую колонну, и уже грохотала лестница под Лёшиными сапогами, стоял с крюком наготове Анатолий, и Петухов натягивал верхонки, примеряясь, как ловчее зацепить ключ, развернуть муфту. Свеча пошла в дальний угол, щёлкнул замок элеватора, и Коробов закинул ручку тормоза до предела вверх. Элеватор со свистом полетел вниз, Петухов поймал его, почти на лету застегнул на новой свече, и Коробов подумал, что не мешало бы этого мужика взять к себе в вахту, потом вспомнил, что это мастер, и расхохотался.

– Ты что?! – подскочив, закричал Петухов. – Тяни, Федя, тяни, друг!

Одна за другой, позванивая, вставали в магазин свечи, мутными струйками стекала по ним промывочная жидкость, и всё больше начинал верить Коробов, что удалось вырваться. Но только подняв инструмент в техническую колонну, спрятав его за металлическими стенами, он сбавил темп, жалея Лёшу, давно уже мокрого от пота. И Петухов скинул верхонки, махнул рукой – перекур, стёр пот грязным рукавом своей недавно чистой штормовки, показал в дизельную – глуши.

И, запрокинув голову, крикнул Лёше:

– Эй, чёрт верховой, слазь, отдохни!

Коробов прислонился к горячему кожуху лебёдки, вдыхая гарь тормозов, разогретого железа, и тут только заметил, что на буровой тесно от людей.

Поодаль, забыв о варившемся обеде, стояла Татьяна Львовна.

– Ничего мы её, – сказал он, ни к кому не обращаясь, но его слышали, заулыбались.

Вытащили папиросы, пачка пошла по рукам. Дружно задымили. Даже некурящий студент, неловко зажимая папиросу, втягивал горький дым.

– Устин, вставай на моё место, помоги подъём сделать, – после паузы сказал Петухов. – Ваша смена будет цементировать. Поднимем, зацементируем – и баста, отсыпайтесь, а завтра новая заездка забуриваться будет.

– Ты их не расхолаживай, – остановил его главный инженер. – Ещё посмотрим, как цементирование пройдёт.

– Ничего, у меня мужики что надо, – сказал Петухов. – Пойдёмте вертолёт вызывать...

7 сентября. День

Цементирование прошло без осложнений. После обеда цементаторы уже выруливали на дорогу, а мужики сидели за большим столом возле вагончиков, отдыхали после позднего обеда. Дымили папиросами, лениво переговариваясь. Солнце перед долгой зимой припекало почти по-летнему, и Женька первым скинул рубаху, подставил солнечным лучам загорелую спину, поёжился:

– Ловите, братцы, зима длинная...

Разделся Анатолий, потом Правдоискатель. Подумав, решил погреться на солнышке и Коробов. Скоро забелели за столом непрогревшиеся за короткое сибирское лето мужские спины, наслаждаясь коротким теплом и таким же коротким неожиданным отдыхом.

Но долго так не усидели, не привыкли.

– Толя, сходи за фотоаппаратом, – вдруг попросил Лёша. – На память нас всех запечатли...

– Тогда надо одеться, а то что это за предбанник, – сказал Коробов.

– Фёдор Васильевич прав, память ведь, на всю жизнь.

Все зашевелились, оделись, по рукам пошла расчёска, и скоро мужики сидели чинно, положив на стол тяжёлые, почерневшие, оббитые руки...

После фотографирования вспомнили, как Коробов цепенел за рычагом лебёдки, когда тянул инструмент, потом помянули Ляхова, который поступил, прямо сказать, не по-мужски. Забеспокоились, что не фотографировался Устин, но кто-то вспомнил, что видел, как тот заходил в женский вагончик.

– Не зови, может, не вовремя, дело семейное, серьёзное, – остановил Коробов собравшегося сбегать за ним студента.

Цыганок пошёл к вагончикам.

Вышел с мелкашкой.

– Далеко?

– Пройдусь, может, рябчиков принесу, – ответил Цыганок. – Желающих со мной нет? Желающих не нашлось.

Мужики ещё посидели, покурили, разошлись по вагончикам добирать недоспанное.

Сначала Цыганок шёл споро, потом шаги замедлил, взял винтовку в руку, осторожно, прислушиваясь, перешагивал сухие сучья и нерастаявший в тени хрусткий ледок. Скоро он поднял семейство рябчиков, долго выслеживал, истратил несколько патронов, но так и не попал. Разуверившись в свой меткости и везучести, потерял интерес к охоте. Закинул винтовку за плечо и пошёл по тайге не спеша, наслаждаясь холодящим чистым воздухом, потерявшим уже летние душные запахи и вобравшим другие, менее назойливые – уходящего лета и подступающей зимы. Возвращаться не хотелось. Он любил тайгу и от одиночества не страдал.

Пересекая поляну, выстеленную черничником с едва держащимися, уже прихваченными морозцем ягодами, Цыганок вспомнил, как бежал из детского дома и впервые остался в тайге ночью. Сжавшись в комочек под развесистой ёлкой, трясся от страха, размазывал слёзы по грязным щекам, потом увидел огоньки среди деревьев, понял, что это волки, и их было так много, что он даже не испугался, только не мог отвести взгляда от этих огоньков, а когда те приблизились, закрыл глаза. «Цыганок! – вдруг услышал он. – Цыганок!» И, не открывая глаз, пополз на четвереньках из-под колючих веток. Кто-то подхватил его на руки, кто-то заплакал, и это было так чудесно, что Цыганку захотелось, чтобы плач этот никогда не кончался...

Почти из-под самых ног его выпорхнул тетерев, шелестя вихрастым хвостом, тяжело полетел между деревьями. Цыганок сдёрнул с плеча мелкашку, постоял, наблюдая, куда сядет птица, но тетерев улетал всё дальше и дальше, скоро его совсем не стало видно, и, вздохнув, он закинул винтовку за спину.

Наступили сумерки, на удачу можно было уже не надеяться, и Цыганок быстро пошёл к буровой. Спустился к маленькому ручейку, извивающемуся между густыми зарослями кустарника, долго искал, где удобнее перепрыгнуть, наконец, выбрал место поуже, разбежался, но в последнее мгновение сапоги заскользили по глине, и он съехал вниз. Ключевая вода мигом пропитала свитер и брюки.

Чертыхаясь от боли и холода, он полез по склону, ухватился за свесившийся куст, рванулся вверх и снова скатился в ручей. Не замечая, как вода заполняет сапоги, перехватил крепче винтовку, загнал в ствол патрон, полез наискосок, одной рукой цепляясь за кустарник, другой крепко сжимая мелкашку. Выполз на склон, замер, до боли вглядываясь во что-то изломанное, чернеющее среди зарослей. Потом, вытягивая винтовку впереди себя, сделал несколько шагов...

Безбородько и Тихонов сидели в вагончике мастера в ожидании вертолётки. Полчаса назад им передали с базы, что тот запрашивается и до темноты вполне успеет за ними, лёту от базы до буровой не более двадцати минут, и Безбородько, беспрестанно поглядывающий на часы, начинал нервничать. Он расхаживал по вагончику и давал наставления Петухову. Тот невпопад кивал, мечтая только об одном: завалиться и выспаться за все эти дни. Наконец послышалось далёкое тархтение. Петухов распахнул дверь, чтобы услышали этот звук остальные.

Безбородько накинул брезентовый плащ, в котором уже лет двадцать выезжал на буровые, вышел первым и быстро зашагал к вертолётной площадке.

Они подходили к деревянному настилу, когда вертолёт завис над ним и медленно, словно проваливаясь в перину, стал опускаться.

Петухов присел на вывороченную лиственницу, закурил.

Безбородько оглянулся:

– Чтоб порядок был...

Петухов кивнул.

– Ох, Петрович, фортуна за тебя, – строго, словно в чём-то его обвиняя, добавил главный инженер и пошёл к вертолёту.

Петухов сидел, глядя на опускающееся на настил шасси, когда кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел Цыганка. Тот был с ног до головы перемазан в глине, с мелкашкой в руках, и Петухов подумал: только бы Безбородько не обернулся.

– Потом! – прокричал он Цыганку.

Цыганок уцепился за плечо Петухова и, наклонившись к самому уху, прокричал:

– Никак нельзя потом, я Ляхова мёртвого нашёл!

В первое мгновение Петухов не понял, о чём это говорит Цыганок. Он глядел, как, широко шагая, приближался к вертолёту Безбородько, и пытался уловить смысл услышанного.

– Ляхов там, возле ручья, лежит! – частил Цыганок, и Петухов наконец понял, потоптался на месте, потом рванулся к вертолёту, задержал закрывающуюся дверь и, ухватив наклонившегося Безбородько за полу плаща, передал ему, что сказал Цыганок.

– Да вы что, белены объелись?! – взвился главный инженер, не поняв до конца, о чём идёт речь, и хотел закрыть дверь, но Петухов держал крепко.

– Заглуши ты своего зверя! – крикнул выглядывающему из кабины вертолётчику Безбородько. – Погоди пять минут...

Стало тихо.

– Ну, говори, только покороче.

– Цыганок! – позвал Петухов.

Цыганок подошёл к вертолёту, сказал не глядя:

– Ляхова я нашёл в ручье... Мёртвый он...

– А он у тебя не того?.. – спросил Безбородько мастера.

– Зачем вы так, – не обижаясь, сказал Цыганок. – Тут недалеко... Я проведу...

– Ночь скоро, каждая минута на счету! – крикнул вертолётчик.

– Погоди.

Безбородько махнул рукой:

– Пошли.

...Возвращались они, не глядя друг на друга. Только у самого вертолёта Безбородько сказал Петухову.

– Чтобы никто ничего не знал. Я сообщу, а завтра к вам кто-нибудь прилетит. Всё. – И добавил, громыхая сапогами по дну вертолёта: – Ну, Петухов...

Что этим хотел сказать главный инженер, Петухов так и не понял, да сейчас его это и не интересовало: перед глазами всё ещё было скорчившееся, с прижатыми к груди руками большое тело и гримаса испуга, перекосившая лицо Ляхова.

8 сентября. День

На следующее утро на буровую прилетел следователь. Это был молодой парень с университетским значком на кителе, с запоминающейся фамилией Крюк. Анатолий Иванович Крюк.

Первым делом следователь изучил место происшествия. Стареньким ФЭДом, без всякой надежды на удачу, он, как и положено по криминальной практике, сфотографировал труп с разных сторон. Затем тщательно, шаг за шагом, осмотрел склоны ручья. На это он затратил три часа, но был вознаграждён – на склоне ручья, напротив трупа, он вытащил из глины гильзу от мелкокалиберного ружья. Этот склон и дно ручья были истоптаны следами, но, как ни старался Крюк, он не смог обнаружить ни одного, отличного от следа, оставленного сапогами обнаружившего труп, а именно гражданина Цыганка Ивана Ивановича. Тем не менее, закончив осмотр и описав место преступления, следователь Крюк не разрешил трогать труп до вечера, боясь сделать что-нибудь не так и решив посоветоваться со своим начальством.

После обеда начальство, исходя из двух обстоятельств: во-первых, из того, что, кроме Крюка, лететь на буровую, то есть на место преступления, было больше никому, а во-вторых, что ближайшая лаборатория находилась за пятьсот километров и не могла быстро определить, из какой именно винтовки и когда был произведён выстрел, ставший причиной смерти гражданина Ляхова, рекомендовало Крюку форсировать следствие, провести допросы, снять показания свидетелей и, выявив убийцу или убийц, задержать, не ожидая данных медицинской и баллистической экспертиз.

Следователь Крюк тяжело вздохнул, подумав, что в университете задач с такими условиями решать не приходилось, и, повернувшись к Петухову, сказал:

– Можете убраться труп, для следствия он больше не нужен.

Петухов вышел, и скоро Крюк увидел, как четверо мужчин пошли к ручью, неся с собой кусок брезента. Он хотел подсказать, что до прибытия вертолёта лучше всего хранить труп в холодном месте, где-нибудь под откосом того же ручья, но догадался, что это, по-видимому, знают и без него.

Он поставил стол в угол вагончика так, чтобы свет из окна падал на стоящий против стола стул, то есть на допрашиваемого, приготовил стопку чистой бумаги, которую прихватил с собой, несколько шариковых ручек и стал ждать, когда вернётся мастер.

Поглядывая в окно, он обдумывал свои вопросы, ответы допрашиваемых и никак не мог избавиться от мысли, что убил гражданина Ляхова Цыганок. И сделал вид, что нашёл труп. В этом хитрость преступника. Таким образом он старается составить о себе ложное мнение и запутать следствие.

Потом Крюк стал думать о других мужиках, с которыми его уже познакомил Петухов, и растерялся, потому что никого отбросить он не мог, ни у кого не было алиби, а его не было, потому что время убийства, которое должна была определить судебно-медицинская экспер-

тиза, ему было неизвестно, если примерно, то с двенадцати часов ночи, когда Ляхова последний раз видел Петухов, и до момента обнаружения трупа...

Так, глядя в маленькое грязное оконце вагончика, следователь Крюк всё более холодел от сложности первого преступления, которое выпало ему расследовать, пока не увидел автобус, спустившийся с дороги к буровой. Из автобуса стали выпрыгивать люди, и Крюк удивлённо оглянулся, но мастера не было видно.

Он вышел из вагончика.

Идущие от автобуса мужики были веселы:

– Глядите-ка, да у нас на буровой милиционер появился, – остановился напротив него мужчина с красным крупным лицом и длинными руками.

– Всё, Свиридов, специально ради тебя мастер пригласил, – подтолкнул его в спину шедший позади коренастый седой мужик.

– А ты меня не толкай, – отмахнулся Свиридов. – Тут дело сурьёзное, милиция, братцы, это не шутка... Товарищ лейтенант, это как, положено теперь на буровую по милиционеру?

Ожидая ответа, остановились и остальные, оглядывая Крюка в его новенькой форме с новенькими погонами, на которых светилось по две звёздочки.

Никогда больше на следствие в мундире не выеду, поклялся себе Крюк, ненавидя в эту минуту парадный свой вид, хотя несколько часов назад в вертолёте чувствовал себя отменно и даже радовался, что не послушал товарищей и не стал маскироваться в гражданскую одежду.

Так он стоял в кругу приехавших буровиков, не зная, что им ответить, но тут сзади раздался усталый голос мастера:

– Что к человеку пристали?..

Стало тихо. Мужики посерьёзтели, почувствовав настроение мастера и догадываясь, что всё это неспроста: необычная тишина на буровой, безлюдье, милиционер...

– Дело такое, – помолчав, сказал Петухов. – Прихват мы ликвидировали, наверное, уже слышали. Свиридов, сейчас на вахту, делай спуск и забуривайся. Остальные – отдыхать. И... и если вертолёт будет, поможете погрузить... – Петухов помолчал, не зная, как лучше сказать, что погрузить, потом произнёс: – Тело Ляхова... – Посмотрел на следователя, добавил: – Дело это такое, вот товарищ следователь прилетел, будет разбираться, так он просит, чтобы вы пока помалкивали и не трепались по рации, если кто доберётся, так как Ляхова кто-то застрелил...

– Шутишь, – улыбаясь, сказал Свиридов. – Ну, мастер...

– Какие шутки! – взорвался Петухов. – Какие шутки... Ну, чего стоите, расходитесь...

Мужики стали неохотно расходиться, а Крюк, наклонившись к Петухову, спросил:

– Это что, новая заездка?

– Да.

– А кто был, тех куда?

– Домой им надо ехать, – устало произнёс Петухов. – Домой.

– Нельзя, товарищ Петухов, – твёрдо сказал Крюк. – Ни одному человеку я не разрешаю покидать буровую до полного выяснения обстоятельств убийства.

– А что делать прикажете? У людей законный отдых, да и места на буровой всем не хватит, продуктов в обрез...

– И всё же я приказываю всем остаться. – Крюк покраснел. – Нужно всех задержать... Хотя бы на день. Это... это приказ.

Петухов вздохнул.

Договорившись, что на ночь новая заездка потеснится, разместят мужиков, часть переночует в автобусе, и решив вопрос с питанием, Петухов вызвал базу и сообщил Безбородько о приказе следователя. Безбородько долго раздумывал, потом, вздохнув так же тяжело, как вздыхал Петухов, слыша просьбу-приказ следователя, сказал:

– Ничего не поделаешь, надо – значит, надо... – добавил: – Нет там рядышком этого лейтенанта?

– Вышел.

– Что он, в посёлке не может допрашивать?

– Не знаю, Владимир Владимирович.

Главный инженер помолчал.

И Петухов помолчал.

– Что-нибудь проясняется? – наконец спросил Безбородько.

И Петухов понял, что хотел услышать он в ответ, но только выдохнул в трубку:

– Говорит, что всех подозревать можно, даже меня.

– Тебя?.. Ну, держись там, Петрович. Слышь, так ты скажи ему, что всё время с нами был...

– Вы утром прилетели, а ночью?..

– Ах да, я и забыл... Ладно, до связи. А мужикам передай, пусть не волнуются, я прикажу поставить семьи в известность... в связи с производственной необходимостью...

– До связи.

Петухов положил трубку.

Он сидел, глядя на синий огонёк рации, и никак не мог осмыслить всего, что произошло за эти дни. Прислушиваясь к себе, он отмечал, что тяжесть, которая преследовала его в последний месяц, вдруг отступила куда-то, и суеверно обрадовался этому: может, теперь-то всё закончится и образуется... Но тут вспомнил, что Ляхова убили, у-би-ли, а значит, где-то рядом, среди тех, с кем он делил не раз и радость, и горе, – убийца. И это было непостижимо его уму и сердцу: нет, не мог никто убить, нет у него в бригаде убийц, может, Ляхов сам... Скорее всего, сам и застрелился... Но где же тогда винтовка, из которой он застрелился, задал себе вопрос Петухов и не смог на него ответить.

Вернулся с улицы следователь. Походил по вагончику, греясь, потом снял с рации настольную лампу, поставил на угол стола, сел, положив руки на листы бумаги, повертел ручку с обкусанным колпачком, сказал:

– Ну что, Иван Петрович, начнём с вас... Расскажите, когда произошла ваша последняя встреча с Ляховым?

– ...Пришёл он ко мне. Время было позднее, где-то около двенадцати, я кумекал над разрезом, думал, как лучше аварию ликвидировать, вот он и зашёл в это время. Сказал, что плохо себя чувствует и хочет уехать домой.

– Это было ночью, как же он мог добраться домой?

– Утром хотел. По дороге лесовозы ходят, с ними можно до станции, а там на товарняках и до посёлка...

– Продолжайте, пожалуйста...

– А я, собственно, уже всё рассказал. Он отпросился, я отпустил. Честно говоря, не хотел, но Ляхов такой человек, если что вбил в голову, не переубедишь. Поэтому задерживать его я не стал.

– Вы не заметили, в каком состоянии он находился?.. Только не спешите, подумайте.

– Вообще он всю заездку как-то странно себя вёл: ругался с мужиками, всё время злой ходил... Правда, в его смену авария случилась, может, поэтому?

– А какие отношения у него были с окружающими?

– Вы знаете, товарищ следователь, неважные отношения. Тяжёлый он человек был по характеру, недобрый, хотя о покойниках не принято плохое говорить, но вот не могу не сказать. Со мной ругался, слишком уж он хватким, что ли, мужиком был...

– Говорите так, как думаете, это очень важно.

– Хорошо. Так вот, рвач он был, хотя и в передовиках ходил. Всё в жизни у него на деньгах держалось. По деньгам и людей мерил. Вот по этой причине и столкновения бывали у меня с ним и у Коробова, бурильщика другой вахты...

– Какие столкновения?

– Они с самого начала что-то не поделили, не разговаривали, друг друга не замечали. Ляхов, если какие-нибудь производственные промахи видел, всегда доносил...

– Докладывал.

– Доносил... Я ведь понимаю: надо говорить, как думаю. Так вот с Коробовым они вроде в окопной войне были. Со своим помбуром, Устином Мокиным, без конфликтов жили, но особой близости я не замечал, а вот с верховым – Евгений Зотов у него верховой – конфликтовал всё время. Почему, не знаю, но смотрели друг на друга косо... Я ведь понимаю, вас прежде всего интересует, кто убить его мог, так прямо скажу, многих он чем-то обидел. Такой человек был...

– Что вы делали после того, как Ляхов ушёл?

– Над разрезом покумекал, хотя настроения уже не было... Вышел на улицу покурить. Вот здесь, под окошечком, встал и стоял. Я видел, товарищ следователь, как Ляхов к дороге пошёл. Ушёл и обратно не возвращался. А потом его смена кончилась, Коробов со своими заступил. Устин с Зотовым в столовую пошли перекусить. Устин ещё что-то там уронил, мы ночью повариху не тревожим, сами обслуживаем себя, а Зотов засмеялся...

– О чём они говорили, вы не слышали?

– Да мы частенько говорим друг другу всякую всячину, и мне бы не хотелось, чтобы мои слова навели вас на неправильный путь... Слышал я, как Зотов сказал Устину, что поругался с бурильщиком и не простит ему этого, а Мокин стал говорить, что на него не стоит обращать внимания... Ладно, чего уж там, – махнул рукой Петухов. – Возвращался ещё Ляхов, часа в два ночи меня поднял. Извинился и сказал, что останется на буровой. Ну а я сказал, что на буровой он не нужен, может уходить, как и собирался, в посёлок. Он пригрозил, что я пожалею об этом, и ушёл.

– Пошёл к себе в вагончик?

– Не знаю. Я наружу больше не выходил до утра. Только давайте я заявление сделаю, или как там полагается, вот пусть с меня как хотят спросят, если я лгу: я лично никакого отношения к убийству не имею.

– Утром что вы делали?

– Утром начальство прилетело, и всё остальное время с ними был...

– Распишитесь, пожалуйста, вот здесь...

9 сентября. **Ночь**

– Присаживайтесь, Фёдор Васильевич, извините, что среди ночи вас вызвал.

– Какое там извинение, что я, не понимаю? Да и ночь на ночь не похожа, никто не спит.

Коробов подхватил стул за спинку, хотел поставить в сторонке, поближе к двери, но Крюк перехватил его руку, мягко, но настойчиво забрал стул, вернул на старое место, в светлый круг, падающий от настольной лампы.

– Присаживайтесь, – официальным, холодным голосом повторил он.

Коробов сел, огляделся.

Хотя он часто бывал в вагончике мастера, сейчас ему казалось, что попал в совершенно незнакомое помещение. Стояли те же рация, и кровать, и стол, но всё же всё неуловимо изменилось. Не было и Петухова, без которого вагончик совсем утратил своё назначение и название. Петухов сейчас курил на улице или ушёл на буровую, придётся ему теперь гулять целую ночь, потому что следователь решил всю ночь разговаривать без свидетелей.

– Вы знаете, зачем я вас пригласил?

Коробов кивнул. Петухов, провожая его до дверей конторы, посоветовал:

– Ты сразу всё выкладывай, молодой, но цепкий лейтенантик, под стать фамилии. – И после паузы спросил: – Как ты думаешь, кто его?..

Коробов пожал плечами.

– Неприятно это всё, – сказал Петухов. – Я детективы люблю, так там в такие минуты все начинают меняться, всякая дрянь наружу лезет...

– Фёдор Васильевич, почему вы не ладили с Ляховым?

Следователь подвинул ближе лист бумаги, отпил глоток холодного крепкого чая. Коробов подумал, что тот, наверное, очень устал и что он молод, как ему объяснить то, что самому ему непонятно, как рассказать, почему он не любил Ляхова...

– Не ладили мы, – сказал он. – Причин вроде бы не было, но знаете, бывает иногда так, не нравится человек – и всё...

Коробов улыбнулся и подумал, что улыбка эта сейчас не к месту.

– Угрожал он вам?

– Нет, этого не было.

– Что вы знаете о его отношениях с другими, например... – Крюк заглянул в лист, лежащий в стороне, – с помощником бурильщика Устином Мокиным?

– Вроде бы нормально жили, ничего не замечал... Вот только недели три как... да, точно, пару заездов назад, зашёл я в вагончик, они вдвоём там были, и похоже, ругались.

– Почему вы так думаете?

– Я вошёл, Ляхов стоял ко мне спиной, а Устин, то есть Мокин, возле окна, и глаза у него такие были... знаете, злые... Ляхов обернулся и крикнул что-то вроде того, чтобы не мешали, потом увидел, что это я – а мне Устин нужен был, насос мы тогда ремонтировали, а ключи он куда-то спрятал, – увидел меня и сам вышел из вагончика.

– И вы не знаете, что произошло между ними?

Коробов покачал головой.

Крюк отпил ещё глоток из закопчённой кружки, служившей Петухову не на одной рыбалке и охоте, поморщился от горечи, разлившейся во рту. Может быть, всё бросить, думал он, не зная, о чём ещё спрашивать, не видя ни одного факта, за который можно было бы зацепиться.

Несколько часов назад казалось, что всё будет просто, нужно только найти человека, с которым Ляхов был в плохих отношениях, но выяснилось, что проще было бы найти человека, у которого отношения с убитым были хорошие.

И вдруг он поймал себя на мысли, которая отбирала последнюю надежду: а если Ляхова убил кто-то, не имеющий никакого отношения к буровой? Дорога рядом, лесовозы...

– Может, кто приходил к Ляхову? Были в эти дни на буровой посторонние?

– Нет, не видел. Не было точно, иначе ребята сказали бы, тут ведь все на виду, тем более новый человек.

– Лесовозы часто ходят по дороге?

– Сейчас нечасто, машин пять – семь в день. Ночью пореже. – И, догадываясь, что интересуется следователя, Коробов добавил: – Но они к нам на буровую обычно не заходят, мимо гонят, спешат. Если только кто поломаётся или что-нибудь понадобится... Только такого давно не случалось.

Коробов молчал.

Молчал и Крюк. Он не знал, о чём ещё спросить бурильщика, в то время как Коробова так и подмывало рассказать о том, что он знал. Но Петухов прав, надо ли ворошить весь мусор, кому от этого будет лучше. Ну, найдут убийцу, им окажется кто-нибудь из тех, с кем проработал плечом к плечу не один год, кого знаешь до кончиков ногтей, и уверен, что не из подлости и корысти поднял тот руку, не звериная это натура продиктовала... Вот почему ему, Коро-

бову, совсем не жалко Ляхова. Вернее, жалко, но как-то легко, больше от странности, что того больше нет, вообще нет такого человека. Сам факт небытия его, в то время как ты живёшь, вызывает жалость к погибшему...

Хотя, какая ерунда приходит в голову, человека-то нет...

– Товарищ следователь, может, это никакого отношения не имеет, но последнее время не совсем ладно было между Ляховым и Мокиным. Утверждать не могу, но вроде жена Мокина к Ляхову что-то испытывала...

– Они были близки?

– Этого не знаю. Может, зря сказал, но вот сказал уж...

– Я вас понял, товарищ Коробов, – сказал Крюк, делая пометку на листе. – Спасибо. И пригласите ко мне, пожалуйста, вашего верхового...

Допрос Лёши Правдоискателя и студента ничего нового не дал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.